

Григорий Жадько
Откровенные романы

Григорий Жадько
Откровенные романы.
Девичий паровозик. Немного
счастья, когда шел дождь.
Карамболь без правил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18534458
ISBN 9785447478674

Аннотация

Избранное. Тетрадки неизвестного автора, найденные в развалах старого дома, датируются 1912 годом. С трудом удается восстановить их. Героям доводится пройти нелегкие испытания. Читатели окунаются в ушедшую эпоху, в которой присутствуют и любовь, и эротика свободных отношений, и горечь расставаний. «Немного счастья, когда шел дождь» – трагическая, откровенная повесть о любви. И бонус – комедия «Карамболь без правил» (публиковалась ранее отдельной книгой), в которой сложные любовные отношения нарушает его величество Случай! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Девичий паровозик 1912 г.	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	71
Глава 6	101
Глава 7	111
Глава 8	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

**Откровенные романы
Девичий паровозик.
Немного счастья,
когда шел дождь.
Карамболь без правил**

Григорий Жадько

Дизайнер обложки Григорий Жадько

Иллюстратор Григорий Жадько

© Григорий Жадько, 2023

© Григорий Жадько, дизайн обложки, 2023

© Григорий Жадько, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-7867-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девичий паровозик 1912 г.

Глава 1

Конечно, это было дело случая.

У художников есть выражение: «Искать натуру для картин» и зачастую это черная работа. Находишься, ноги гудят, но если повезет, то доволен и, кажется, нет тебя счастливей. В тот раз меня потянуло в центр Москвы.

Я свернул с Лубянской площади к Кремлю и прошел в маленький двор возле Николо-Греческого монастыря.

Глухие стены, заборы, решетки – все было сделано, чтобы не пустить непрошеного гостя. Я уже хотел вернуться, как обратил внимание на узкую щель в сочленениях соседних стен. Если проходит голова – можно попробовать. Я еле протиснулся, замарав куртку, сделав петлю, обогнул старый тополь, и, глазам моим неожиданно открылся большой двор, сплошь заваленный строительным мусором. Меня окружали: крупные блоки кирпичей с остатками белой и желтой побелки, листы ржавого железа, старые рамы, подгнившие балки с остатками черных досок – а в центре возвышались

остатки дома. Первый этаж его еще не сломали, и за ним торчала стрела экскаватора, с подвешенным ядром.

«Да! Опоздал запечатлеть кусочек старой Москвы!» – с сожалением подумал я, и тут мои глаза, среди груды строительного мусора, наткнулись на книгу или тетрадь. Я стряхнул с нее красную кирпичную пыль. Она была обрамлена вензельной рамкой, с голубями и ангелами по углам, а по низу, очень мелко, типографским текстом было набрано:

«С-Петербургъ Главное управление Удѣловъ, Моховая №40 1911»

В центре каллиграфическим почерком бледными чернилами было написано:

«Сетрорецкѣ. 1912. Тетрадь – II»

Обложка изобиловала желтыми и коричневыми разводами. Я попробовал открыть тетрадь, но не тут, то было. Страницы были как монолит и рвались.

«Да! Вторая часть! – с сожалением подумал я, – а где же первая?» Найдя палку, с расщепленным концом, я начал исследовать строительный мусор. «А вдруг!?!». И удача, улыбнулась мне во второй раз!! Я вытащил из-под кирпичей старое зеркало на деревянном основании, с точеными украшениями по периметру. Слой амальгамы взялся чешуйками и почернел. Половина зеркала, видимо при падении откололась, но из-под оставшейся половины, виднелся уголок еще одной тетради. В этом я уже не сомневался. Я сделал попытку ее вытащить – не получилось. Из-за суеверий, я не за-

хотел разбивать зеркало и решил домашними ключами отогнуть скобки, что держали фальц стекла. Скобки из-за ветхости почти без усилий сломались. И... О Боже!!! Я испуганно оглянулся. К моим ногам упали тетрадь и плотный конверт, лежавшие в потайном углублении!

Трудно описать чувство которое охватило мое существо! Наверно если кто-то бы посмотрел на меня в ту минуту — обязательно сказал бы, что этот человек ненормальный. Не знаю, что я там хотел обнаружить, но я так резко поднял мои находки!!! Эти ощущения наверно знакомы кладоискателю, когда, сообразуясь с рассказами или картой, после долгих поисков, его лопата неожиданно натывается на металлический ящик с неизвестным содержимым.

Дрожащими руками я торопливо вскрыл конверт! В нем, к моему разочарованию, не было ничего особенного. Просто старые почтовые открытки, отпечатанные в Финляндии — *CARTE POSTALE SUOMI FINLAND*: на одной вид Выборга, на другой изображение пляжа в Терийоках, лодки, кабинки для переодевания и павильон-кафе, на третьей Курзал Сестрорецкого Курорта. Были и другие открытки, а на обратной стороне — расплывшиеся местами штемпели и личная переписка между мужчиной и женщиной. Чувства столетней давности показались мне, интересны.

Я был так увлечен, что не сразу услышал, что орут мне «московские строители из Средней Азии». Они стояли на остатках первого этажа, махали руками и, видимо, руга-

лись на своем языке. Я понял, что испытывать судьбу и оставаться, мне не стоит, и поспешно прижав найденное богатство, проделал обратный путь, используя, знакомый лаз.

В нетерпении я вернулся домой, но как, ни пытался открыть записи – мне это не удавалось. Что уж я только не делал: и грел паром из чайника, и засовывал вязальные спицы, и аккуратно поддевал скальпелем – ничего не помогало. Отчаявшись, я вдруг вспомнил про Андрея Васильевича – моего соседа по старой квартире. Он работал экспертом в лаборатории судебной экспертизы на Старой Басманной. Если не уволился – может, поможет! У них то, наверно, бывают задачки и посложнее!

Василич встретил меня по доброму и, кажется, совсем не удивился моему приходу.

– Соскучился!? Пропустили тебя? Тут у нас все по-новому. Консьержка. Кодовые замки. Проходи... Проходи.

Я рассказал о своей проблеме. Он долго вертел мой антиквариат, ругал меня, что я как медведь полез, куда мне соваться не следовало. Потом разгладил бороду и лукаво посмотрел на меня:

– Ладно. Сделаю. С тебя ничего не возьму – ну пару бутылок коньяка – это уж сам бог велел. Идет?

– Идет! Конечно, идет! – с радостью, запальчиво воскликнул я.

– Но хорошего: не менее 10-лет выдержки, – добавил он, улыбаясь, видя по моей реакции, что продешевил.

– Все будет Василич!!! Звони! Жду!

Прошло не менее недели, пока я дождался долгожданной весточки. Я как на крыльях помчался к нему.

– Получилось?

– Да получилось то, получилось, но уж больно хлопотно. Неделю до полуночи пришлось задерживаться. Представляешь!

– Ну-у-у да, – протянул я – понимая, куда он клонит.

– По-хорошему тут и пяти бутылок мало. Сколько стоит мой рабочий день? ... Знаешь? Специалист-эксперт высшей квалификации! То-то! Но ты не тушуйся, не тушуйся, – сменил он тон, видя мою скисшую физиономию, – это я так сказал, между прочим. Давай, что принес, и забирай свои манускрипты.

Я взял в руки две папки. В них лежали отдельные листки.

– Да! Пришлось разъединять по листочку.

– Понимаю! Это ничего, – согласился я.

– Я еще не все сказал, ... да коньяк хороший. Кизляр. 12-лет выдержки, – он отставил в сторону бутылки, которые изучал. – Это ты правильно сделал, уважил старика, но у меня к тебе одна просьба...

– Какая?

– Ты это... так не держи. Не надо у себя. Компьютер в руках есть: по страничке, по две, настучи и опубликуй. Бог его знает, кто это написал, но человек, то писал для нас. Верил, что наступит время и все можно будет напечатать! Догово-

рились?

– Хорошо, я постараюсь Андрей Васильевич.

– На-ка, вот, тебе обратно одну бутылку, и помни наш уговор.

– Да зачем? Я и так хотел, – смущенно запротестовал я.

– Бери, бери, – он лукаво посмотрел на меня, разгладил бороду, – дело то молодое: у меня деньги есть, надо я этого добра куплю... и не куплю сойдет.

Дома, я в полном одиночестве, распечатал коньяк. Налил, на дне широкого бокала, и с вожделением попробовал волшебный напиток – и только тогда, с волнением, отрыл первую папку и углубился в чтение. Какой-то неизвестный человек вошел в мою жизнь. Что с ним стало: убили на войне 1914 года или он погиб во время революции, или заболел тифом, а может, умер от голода? Кто знает!? Но почему-то, мне кажется, судьба впоследствии обошлась с ним несправедливо. Неровные, косые строчки запрыгали у меня перед глазами, и я окунулся в другой мир: когда еще не было мировых войн, революций – и люди были наивней, лучше и верили в ценности, которые нам порой сегодня кажутся смешными.

Глава 2

СЕСТРОРЕЦК 1912.

Это было через семь лет после окончания Борисоглебской гимназии.

Я отправлялся из Петербурга: с нового вокзала Приморской железной дороги. Вокзал еще не был готов. Верхнее строение пути – довели до угла Флюгова переуллка и Большого Сампсониевского проспекта.

Вечерело. Подачу поезда задерживали почти на двадцать минут. Петербург в июле 1912 года изнывал от жары: и кирпичные многоэтажные громады, и каменные мостовые, и тротуары были раскалены – а воздух насыщен пылью, копотью и смрадом.

В ожидании, мои глаза скользнули по мрачному ближайшему фасаду: " *Магазины Бр. Поляковых. Имѣется громаднѣйшій выборъ обуви кожаной, суконной, и парусинной – Варшавская, Саратовская, Кунгурская чесаная, валяная, бурочная, кукморская, Нижегородская, Тюменская. Магазинъ въ городскомъ корпусѣ №№9, 24. Большой выборъ шляпъ, шапокъ и фуражекъ. Складъ резиновыхъ галошъ. Товарищество Россійской американской резиновой мануфактуры. Прошу почтеннѣйшую публику обратить вниманіе* »

Какой-то тучный господин, в очередной раз доставал из нагрудного кармашка, который был специально вшит на сюртуке, – часы-луковицу BREUGET в золотой скорлупе, поросячьими глазками смотрел на золоченые стрелки и, не обращаясь конкретно ни к кому – тяжело вздыхал:

– Безобразие! Это просто – какое-то безобразие!

В который раз он проделал то же самое, утер красное потное лицо платком – и тут, наконец, подали состав. Паровоз был не новый, но хорошо отмытый, блестящий, шведской фирмы «*Motala*». Истомившиеся в ожидании пассажиры, дружно кинулись по вагонам.

У меня был билет в последний – шестой вагон. В него село

около десяти человек. Я отметил миловидную девушку. Она была в сером платье, из шелковой креповой ткани с умеренным блеском. Крепдешин, мягко облегал ее стройную фигуру, струился вспыхивающими складками – а плечи, и верхняя половина тела, были прикрыты, короткой белой кофточкой-разлетайкой. На голове, чуть набок, крепилась пристегнутая булавками, полупрозрачная шляпка из китайской чесучи. Ее тонкие губы совершенно не улыбались, хотя глаза смотрели на мир восторженно и радостно.

Не успел я устроиться и разложить скромный багаж, как ко мне подсел тот самый тучный господин, с предложением поиграть в вист. В руках он держал полную колоду – 52 карты и ловко ее тасовал.

– Податной инспектор Прудаев.

Я тоже представился и сказал, не разделяя его оптимизма:

– В эту игру лучше играть вчетвером.

– Но что делать. Надо как-то убить время, – попытался оправдаться он.

От его голоса и внешности исходило что-то неприятное. Я считал себя неплохим игроком. Главное в висте – запомнить 26 карт своих и партнера, а порой карты приходится угадывать. Я любил это занятие, особенно в дороге, но, тут повинувшись шестому чувству – отказался – сославшись на усталость. Он не уходил и еще долго сидел, напротив, сверля меня маленькими рыбьими глазками. Видимо, он ждал, что я передумаю. Это было, в конце концов, невежливо и я, встав,

прошелся по вагону, оставив его одного.

Оказывается, за тонкой дощатой переборкой, в соседнем купе ехала моя незнакомка.

Дверь была приоткрыта и, встретившись глазами, я учтиво поклонился ей, как старый знакомый. Она немного испуганно кивнула в ответ и, засмутившись, сразу отвела взгляд; руки ее при этом, быстро и нервно стали перебирать замок небольшой сумочки, что лежала у нее на коленях; а ноги, обутые в белые сафьяновые полусапожки, она спрятала под полку. Девушка стала смотреть в окно и была напряжена.

Я, с сожалением скользнув в последний раз взглядом, по ее фигуре, прошествовал к себе. К счастью, тучный господин, видимо поняв бестактность своего присутствия, покинул меня и я, скинув туфли, с удовольствием вытянулся на полке.

Тут я вспомнил о газетах. Это было очень кстати. Развернул «Русское слово» и «Новое время», что взял у разносчика на вокзале. В нос ударил запах свежей типографской краски. Я пробежал заголовки: Мальта – «Итало-турецкая война. С места событий»; Будапешт – «Анти-венгерская демонстрация в Праге»; общество «Русский инвалид» извещает, – новое направление в живописи после «кубистов»; неуловимый разбойник «Зелим-хан».

На третьей странице задержался немного больше:

КРИМИНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

ПЕТЕРБУРГЪ (По телефону отъ нашихъ корреспондентовъ).

Сегодня, в склад изданий Острогорского, по Моховой улице, в д. №28, вошли два подростка 13 – 15 лет, и спросили книгу. Управляющая складом г-жа Берникова выдала книгу и открыла кассу, чтобы разменять деньги. Мальчишки, с криком: «Руки вверх!», бросились на Берникову, повалили ее на пол и стали душить полотенцем. Г-жа Берникова взмолилась и просила оставить ее в живых, взять все, что имеется в кассе. Они забрали около 70-ти рублей, – всю наличность кассы и бежали.

«Да! В какое страшное время мы живем! – подумал я, поглядывая на унылый пейзаж за стеклом. – Совсем дети. Толи дело было раньше?! Страшно становится. Куда катится этот мир!». Хотя убить время было нечем, я без сожаления перелистнул мир криминала. На последней странице взгляд мой привлекли два сообщения:

«КНУТ

Он снова сделался злобой дня для городских. Дело в том, что некоторые извозчики и биндюжники, испытанные противники «Кнутовой реформы», – почувствовав ослабление надзора в этом направлении, вновь обзавелись кнутами. По их убеждению, лошадь без кнута, это все равно, что лошадь – без хвоста. Между тем, городские – отметив такое непослушание, установили бдительный надзор за ослушниками. Напрасно извозчик, заметив городского, старает-

ся скрыть пребывание в санях кнута. Городовой – старый волк – его не проведешь. По слухам, старое помещение для склада извозчичьих кнутов заполнено. Того и гляди, что городской управе придется ассигновать сумму на постройку специального дома для склада кнутов.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ «ВОДКА».

Николай Тесла – тот самый чешско-американский изобретатель, который намерен передавать электрическую энергию без проводов – изобрел электрическую водку. Приготавливается она очень просто – пропусканием тока от батареи через особый подкисленный состав.

На последнем собрании докторов, в лондонском Меншён-Гаузе, трезвенник, Томас Барлоу, выступил против обыкновенного алкоголя, в пользу электрической «водки».

«Забавно!» – подумал я и, отложив газеты, попытался задремать, но ничего не вышло. Неясные шорохи из соседнего купе тревожили мне душу. Я представлял себе, что буквально в нескольких перстах, за этой тонкой перегородкой, сидит девушка, молодая женщина, очень приятной наружности и может так же скучает, как и я. Это было нелепо и неправильно, и такая мысль не давала мне расслабиться. Отчаявшись задремать, я скатал постель и присел к окну. Поезд шел по приморской Санкт-Петербург-Сестрорецкой железной дороге. Это была частная железная дорога на северо-западе России. Она соединяла Санкт-Петербург с курортами, расположенными на северном побережье Финского залива.

Видимо барышня следовала в один из них. Неожиданно я услышал легкие шаги, шорох юбок и боковым зрением уловил белое одеяние моей изящной незнакомки.

– Извините! Не могу открыть сельтерскую воду. Вы не можете? – сказала она, сильно смущаясь, и краска бросилась ей в лицо.

Я ловко справился с бутылкой, подцепив крышку краем серебряного перстня. Это был подарок матери – на совершеннолетие. Бедная мама! Знала бы она, для чего я его использую.

– Пожалуйста!

– Здорово у вас получилось, – заметила моя попутчица, все еще смущаясь.

Я, пользуясь предоставленным случаем, представился:

– Михаил. Михаил Громадин. Инженер – еду на Сестро-рецкий оружейный завод. По делам.

– Маша, – барышня потупила глаза, – Мария Александровна. Еду на отдых, – ответила она в том же ритме в полголоса.

Мы помолчали немного. Я, передавая сельтерскую, задержал бутылку, не отпуская совсем. Она уловила этот жест, подняла глаза и, взглянув строго, еще тише добавила. – За-мужем!

Я отпустил бутылку, но она не уходила, ... пребывая некоторое время в нерешительности.

– Ах! Да! Еще пробочка! – спохватился я, поняв, что она

ждет.

– Благодарю! Вы очень любезны.

– Вам не скучно одной? – поинтересовался я, напуская равнодушный вид и как бы говоря это из вежливости.

– Что вы! Конечно, нет, – воскликнула барышня. – Я люблю скучать.

– Не попали мы с вами в одно купе. Может, пообщались – и дорога показалась короче.

– Может быть. Но пусть будет, все как есть.

– А что если нам исправить эту ошибку – скрасить наше одиночество? – бросил я пробный шар, ловя ее ускользающий взгляд.

– Это ни к чему, – сказала он сухо.

– Да, это ни к чему вас не обязывает, я выйду спустя несколько часов на станции в Сестрорецке, а вы поедете дальше...

– Разве вы находите это удобным?

– Вы так не считаете?

– Еще час назад меня провожал муж. Вы видели, ... такой высокий важный господин, с цилиндром на голове?

– Кажется, припоминаю, – соврал я, и внимательно посмотрел ей в глаза, – он, по-моему, не молод, – наудачу ляпнул я.

– Да! Да, это есть. Но он очень хороший человек. Мне бы не хотелось так... – она замялась, не зная как продолжить начатую фразу.

– Я вас прекрасно понимаю. Не продолжайте. Дело ваше Мария Александровна. Хотя жаль... очень жаль, ваше общество бы украсило мой путь.

Мы обменялись взглядами. Она была слегка расстроена и почти не скрывала этого, но приличия были превыше всего. Другого – от замужней женщины, я и не ожидал.

– Может дать вам прессу: свежая, но я почти прочитал ее, только объявления остались? – добавил я, оставляя надежду на перемены в ее настроении.

– Что ж! Как закончите и их – приносите, я не откажусь, – выпалила она скороговоркой и, покраснев, быстро, как ветер, удалилась к себе.

– Ого! Неожиданный поворот! – сказал я себе и, достав из портфеля, бросил в рот кусочек мускатного ореха для освежения дыхания. Так я и стоял не присев больше ни на секунду, держась за хромированный поручень и глядя нетерпеливо в окно. Выждав минут десять, я собрал газеты, аккуратно свернул их в трубочку и, напустив нарочито небрежный вид, отправился в соседнее купе.

– Merci. Vous êtes très bons mon monsieur, – поблагодарила она, стараясь не улыбнуться при этом.

У нее был превосходный французский, четкое произношение и особый прононс, что достигается долгими упражнениями.

– Это совершенно ничего не стоит для меня Мария Александровна. Прочитанные газеты? О чем вы говорите?

– Pouvez m'appeler Masha.

– Хорошо, договорились, буду называть вас Маша. Но я не так хорошо знаю французский как вы. Мы технари. Наше дело чертежи, железки и еще много скучных вещей, о которых неудобно говорить в обществе милой дамы.

– Это я понимаю. Оружейный завод! Наверно это страшно и опасно порой!?

Мне ее слова показались приятными. Мужчины все одинаковы. Внутри поднялась волна своей исключительности и величия.

– Ну, не стоит преувеличивать. Все бывает, конечно, – уточнил я немного вальяжно и снисходительно.

– Как вы думаете, война будет? Все об этом говорят! Вот давеча читала: «Ангел мира в опасности!?»

– Помилуйте! Это выдумки газетных писак, – заключил я убежденно. – Сейчас общество достигло такой стадии развития, что все прекрасно понимают, к чему это может привести. Страшное оружие в изобилии сделано во всех странах. Массовое уничтожение: победителей по большому счету не будет. Ну не самоубийцы же мы!? Цивилизованная Европа на это никогда не решится!

– Значит, вся эта шумиха, что бы поднять тиражи газет? – усомнилась моя юная попутчица, почти расставшись со своей прежней застенчивостью.

– Ну не совсем. Иначе бы мне не пришлось ехать на оружейный завод, – многозначительно заключил я.

– Срочное дело?

– Командировка. Надо помочь. Секретное производство.

– Это тайна? – осведомилась барышня.

– Государственная. Российской империи, – заверил я ее, – но об этом лучше не распространяться.

– Вот видите! – она посмотрела на меня чуть восторженно. – Значит, вам доверяют. А мне ничего нельзя сказать. Я болтушка!

Маша встала, подошла к окну и замолчала. Показались низкие черные строения.

– Какая-то станция? – поинтересовалась она, показывая кивком головы.

– Это Раздельная. Помилуйте, ... нет, это Лахта, – поправился я. – Обычно поезд здесь стоит минут пять.

– Давайте закажем чай! – вдруг, предложила барышня, не оборачиваясь. – У меня есть прекрасное варенье. Наша бабушка, Агафья, в вишневое варенье добавляет, абрикосовые косточки, липовый цвет. Она его не кипятит, а только долго томит в русской печке, и оно получается как английский джем.

– Хорошо. Будем пить чай. ... Будем пить и разговаривать.

– Нет! Просто пить, – немного растеряно возразила моя милая собеседница.

– Как скажете, – пряча улыбку, согласился я и пошел делать заказ.

Проводник, лукавый дядька, разглаживая, мягкие рыжие

усы, занес нам спустя минуту, два кованных вороненых под-
стаканника. В них простые стаканы из зеленоватого стекла
и жидкий чай. Отдельно он держал посеребренный поднос
со сдобой.

– Пышка, слойка, сдобные калачи, крендель, плетенка –
все из Филипповской булочной, господа! На выбор если же-
лаете? – протараторил он заученную фразу.

– Неужели! Прямо оттуда?

– Обижаете милостивый господин! Настоящие парижские
рецепты от придворного пекаря Филиппова. Не «сумневай-
тесь».

Я отложил всех наименований по одной штуке и сразу
расплатился за все. Старик ушел очень довольный, подкру-
чивая вверх кавалерийские прокуренные усы и что-то напе-
вая под нос.

– Вы совершенно зря потратились, – сказала моя прелест-
ная спутница, – мне есть на ночь, совсем ни к чему.

– Все нормально, может, только придется чай повторить.
А как вы сударыня смотрите на бутылочку Белого Сурожа
из Массандры?

– Нет что вы! – возмутилась она. – Это уж точно зря вы
придумали.

– Я принесу, а там решим – раз уж заикнулся, а то неудоб-
но получится.

Я сходил за бутылкой и дополнительно, зашел, взял ста-
каны у проводника. Она смотрела во все глаза и неодобри-

тельно качала головой.

– Оставьте. Вы такой молодой. Будет у вас еще повод и друзья с кем ее распечатать.

– Вы про оружейный завод? Не мелочитесь Мария Александровна! Не говорите пустое! Я часто там бываю по делам. Поверьте – скукота там полная. «И скучно и грустно и некому руку подать» ...Если вы мне составите кампанию, я был бы вам – превелико благодарен!

– Все-таки вы напрасно это затеяли – и чай стынет? – покачала она с укором головой.

– А мы и то, и другое будем. По очереди.

– Какой вы право! Так меня еще и уговорите, – в сомнении сказала она

– Конечно. Мне побольше, а вы давайте пригубите маленько. Вам понравится. Надеюсь!

– Ну, хорошо, – согласилась она с трудом. – За знакомство.

– А вы знаете, Маша, откуда это вино получило название? Что означает «Сурож»? – оживился я, придвигаясь к ней ближе.

Она заинтересованно оживилась, приготовившись слушать.

– Нет. Никаких мыслей.

– Это древнерусское название города Судак. Видите, какое оно золотистое? А аромат? Ничего не напоминает?

– Что-то знакомое... Медовое или яблочное, – предполо-

жила она, слегка сморщив лобик.

– Токайское не напоминает?

– Точно! Вы сказали, и я сразу вспомнила, – всплеснула она руками.

– А вообще его делают из винограда сорта – Кокур белый.

Я поведал ей, как мне довелось быть в Судакe. Про развалины Генуэзской крепости, глиняные водопроводы в горах, обычаи крымских татар. Она была очень хорошим слушателем. Кивала в такт мои словам, ресницы ее дрожали, на лице ясно читалась заинтересованность и неподдельный интерес.

Незаметно пролетели несколько часов, но казалось, все длилось один миг.

– Слушайте! Мы так и допьем ваш Кокур Михаил! – сказала она весело, и удивленно, и в глазах ее блеснули озорные огоньки.

– Это будет чудесно, – заверил я.

– Я же совсем не хотела, но вино правда, отменное, – призналась Маша, благодарно поглядывая на меня.

– Расскажите о себе немножко, – решив что, настал нужный момент, попросил я, стараясь говорить как можно естественней.

– Вы считаете, это удобно? – стушевалась она, не ожидая такой смены разговора.

– Ну, не знаю – вам решать, – уклончиво промолвил я, с надеждой глядя ей в лицо.

– Да! Да, конечно, – улыбнулась она. – А что рассказать?

– Правду! Вот все как на духу! Вы можете... быть откровенной?

– С близкими, родными наверно.

– А мне казалось – людям, которые больше не встретятся в вашей жизни – можно поведать гораздо больше. Они не опасные. Никогда эти откровения не используют против вас, никому больше ни о чем не расскажут, во всяком случае, вашим знакомым – точно.

– Хм! Конечно. В этом есть резон, – задумалась она, протирая платочком губы.

– Вы мне – я вам. Такая откровенность на откровенность и все на доверии! Вроде игры, – не унимался я, ища подходящие слова.

– Станный вы! Все так неожиданно. Умом понимаю, но этого мало...

– Не торопитесь с ответом, – сказал я, поднимаясь и приближаясь к окну.

Перестук колес стал слышней. За стеклами уныло однообразно мелькали: клочки полей, одинокие деревья, петляющие деревенские дороги, прошлогодние скирды почерневшей соломы.

Даже не знаю, что вам сказать. Давайте попробуем. Спрашивайте, – сказала она немного глухо.

Я вернулся на место. Мы встретились глазами.

– Начнем с главного. Вы когда-нибудь любили? – выпалил я, и сам понял в ту же секунду, что это перебор и начинать

надо было не с этого.

– Mon dieu!!! Миша! Как вы прямо и в лоб, – промолвила она, немало смутившись.

– Извините. Вырвалось.

Моя попутчица испытываяще и недоверчиво посмотрела на меня, боясь включиться в эту игру, но все же чудесный напиток из Сурожа не позволил ей совсем закрепоститься.

– Говорить об этом? – она помолчала. – Конечно, нет! Ну, как можно?! Об этом я не буду с вами беседовать. Все-таки вы мужчина.

– В том то и прелесть. Мы как бы поглядим на себя с позиции противоположного пола.

– Миша! Миша! Вы настойчивый молодой человек, а я слабая женщина. И все это так заманчиво.

– Решайтесь.

– Господи! Я работаю учительницей в церковно-приходской школе для девушек Новодевичьего Монастыря. У меня малолетняя дочка, недавно отняла от груди, сейчас сидит с няней. Кто бы знал, на что вы меня толкаете!

– Вы считаете, поговорить о любви – это недостойное занятие? – не отступал я, пытаюсь найти аргументы в поддержку моего предложения.

– Par le chemin de Micha. Тут речь не об этом.

– Ваши ученицы из церковно-приходской школы не увидят и не узнают, ... что с того?

– А муж? – задумчиво произнесла она.

– А муж и тем более, – безапелляционно заверил я.

– Знаете, создается впечатление – мы с вами как заговорщики беседуем.

– Давайте тогда шепотом, – предложил я, шутливо снижая голос.

– И все-таки нет, мой дорогой Миша. Понимаю. А душа противится.

– Потому что ничего не было! – выпалил я решительно, уверенный в своей правоте. – Я не сомневаюсь, вас отдали замуж без любви!!! Или скажете, не так все было!?

– Без любви, без любви. ... Вы же ничего не знаете мой дорогой. ... Если бы только можно было все изменить!! Нет, что уж там! Лучше не начинать этот разговор вовсе.

Она замолчала в волнении, подошла к проему купе, открыла дверь и тут же плотно захлопнула, очевидно, убедившись, что никто не подслушивает.

– Ничего вы не знаете, – подтвердила моя попутчица уверенно.

– Мне и знать нечего.

Я встал, подошел к ней, и смело взял ее за руки. Она торопливо взглянула на меня снизу вверх, не убрала руки, но посмотрела затравленно и с легким испугом.

– У меня это на лице написано?!!! Что я страдаю – и у меня не было в жизни настоящей любви?

– Смотрю в ваши грустные глаза. А в них тоска беспроектная – робость и послушание Мария Александровна!

– Это от Бога. Он всемогущ и всевидящ!

– Нет. Это от отчаяния. Не верите вы ни во что. Просто плывете по течению. Все за вас решают. Везде флажки красные. Туда нельзя, туда не ходи.

– Вот вы говорите Миша, душа сопротивляется? Умом понимаю, что вы правы. Так и есть. Что я по большому счету видела? Да ничего! Вяжу, вышиваю, прислуживаю за мужем и сильно хочу ему понравиться, даже когда мне противно. В то время – когда мы с ним брачное ложе делим – мне больше противно, чем хорошо.

– И выхода нет?

– La sortie je ne vois pas. (*Выхода не вижу. фр.*)

Я крепче сжал ее руки. Моя спутница не противилась. Лицо ее оказалось близко. Я прижался к ее горячей щеке.

– Говорите, Маша. Говорите. Я слушаю.

Она отстранилась, но только слегка, не по настоящему.

– О чем?

– Так просто. Мне все равно – лишь бы слышать ваш голос!

Мои губы были совсем рядом с ее лицом. Я ощущал ее горячее дыхание.

– Все что мы делаем, это так скоропалительно и нехорошо, – урезонивала она меня, – я себя не узнаю. Что вы можете обо мне подумать!? Я веду себя как девка!

– Вы до невозможности красивы и очаровательны... до невозможности!

– А от чего вы не освободите мои руки?

– Вы этого хотите?

– Я сама не знаю – что хочу.

Маша сильней отвернулась к окну, опуская голову вниз, при этом, не делая попыток убрать свои ладони из моих рук. Я чувствовал, как они слегка подрагивают.

Я взял ее за подбородок и повернул к себе. Она слегка приоткрыла рот и «послушно-обреченно» закрыла глаза. Я коснулся ее воспаленно сухих губ. Она вздрогнула, но не отстранилась. Я целовал ее долго упрямо, пока ее губы немножко не распухли, а дыхание не стало прерывистым. Наконец она усилием воли легонько оттолкнула меня, и сев в угол – заплакала.

– О чем вы плачете? Зачем вы так огорчаетесь?

– Я ничего не могу. Все во мне восстает. Спротивляется. Я хочу обратиться к царю нашему небесному – за спасением. Это насилие надо мной. Это все пошло. Пошло! Да! И другого слова я не нахожу. Если вы хоть чуть-чуть уважаете меня, вы сейчас же должны уйти. Слышите! Я не могу вас выгнать. Вы сами это должны сделать! Прошу вас. Заклинаю всем святым!

Я подошел. Опустился на колени. Поцеловал ей руки, и каждый пальчик в отдельности. Потом встал. Поклонился и вышел в коридор.

Проводник уже зажег тусклые фонари в конце и начале вагона. Желтые пятна света, не столько освещали его –

сколько давали направление для движения. Я зашел в свое купе и стал смотреть в окно. Скоро должен был показаться Лахтинский разлив. И, правда, поезд замедлил скорость и неспешно вполз на 300-аршинный свайный мост, который располагался параллельно Лахтинской дамбе. Сколько я не смотрел в ночь – дамбы не было видно, только угадывалось что-то большое и темное, что надвигалось и надвигалось на тебя, но никак не могло поглотить.

«Скоро Сестрорецк, – замелькали мысли в голове. – И все кончится. Один поцелуй! Бесконечно долгий поцелуй! Такая умопомрачительная красавица, а так нежна и стеснительна! Такого не может быть!! Почему? Потому что такого не может быть никогда! Это же учительница, а не девка. А французский?! А ее трепет в моих руках!? А почему она меня гнала? Я чувствовал ее всю! Несколько мгновений – но всю. Это было единение! Не обольщайся! Просто Сурож! Легкое замешательство. Сейчас она уже наверно пришла в себя. Жалеет! Конечно, жалеет, а может не очень? Что с того? Как молния, что-то вспыхнуло между нами, и тут же оборвалась – как струна, и беспомощно повисла, сломав весь инструмент, и будь ты самым великим музыкантом, уже не сыграть на нем. Слишком все скоротечно! Слишком. И она это понимает, и я это чувствую – осознаю! Так бы и ехать, и ехать всю жизнь! Только чувствовать, что она рядом – совсем близко: и вспоминать ее теплые губы; закрытые трепещущие ресницы; горячее дыхание; голос, волосы – всю ее такую до-

машину, нерастраченную, желанную!»

Я собрал немногочисленные пожитки, сложил их в желтый саквояж и присел на дорожку на краешек полки. Стало так одиноко. Обидно. Других мыслей – кроме жалости и несправедливости устройства этого мира, не приходило в голову. Было все безразлично и пусто. Казалось, я находился в доме, из которой вынесли абсолютно все вещи и даже вынули окна и двери, и сквозняк гулял в пустых комнатах, и шевелил листами газет и журналов, и откидывал засаленную старую занавеску из дешевого ситца, и только где-то по привычке слышалась песнь сверчка. Он один не понял, что дом покинут.

Паровоз, было набравший привычную скорость, сбросил тягловое усилие, и колеса по рельсам застучали медленней – все реже и реже. Издалека раздался приветственный гудок, и он тут же отозвался, задохнулся сиплым басом.

Поплыли станционные огни, мутным желтым светом заливая столик, полки; и кругом бегущие по купе тени, перемежаясь, накрывали меня, исчезали, становясь, все более медлительными. Наконец, машинист притормозил сильней, и вагоны дробной чередой застучали буферами, останавливаясь окончательно.

«Ну, вот и все!» – подумал я, поднимаясь, оглядывая вторых еще раз купе и пытаюсь при этом не скользить глазами по тонкой переборке, которая отделяла меня от моей милой спутницы. Там было необычно тихо. Я нарочито громко

щелкнул замком и хлопнул дверью, выходя в коридор. В ответ тишина. Я медленно, шаркая как старик, поплелся на выход и уже почти вышел, как позади себя услышал робкий щелчок и скрип открываемой двери. Я остановился, боясь обернуться и ошибиться в своих предположениях. «Только не оборачиваться! Ни в коем случае не оборачиваться!!!» задал я. Звонкая пауза раскалила сознание. Наконец, рядом у уха я почувствовал горячее дыхание и громкий взволнованный шепот:

– Вы не зашли!?

– Зачем?

– Попрощаться.

– Зачем, – тупо и неприязненно повторил я опять, не понимая сам, что говорю, и что со мной происходит.

– Пра-а-авда за-а-чем, – сказала она, в задумчивости растягивая слова.

И растерялась.

– Так глупо, – сказал я, – один миг счастья!

– Ведь, правда. Так будет лучше вам и мне, – неуверенно промолвила она.

– На счет вас не знаю, а мне, ... а мне, ну как-то, ... – растерялся я, не зная как продолжить.

– Так мы с вами и не сыграли в вашу игру на откровенность, – с грустной улыбкой в голосе сказала Маша.

– Вы правы. Что-то не получилось. Наверно я зря ушел.

Я смотрел на нее отчужденно и голос мой звучал как бы

издалека.

Она ничего не ответила. Я подождал и вышел на перрон. Маша последовала за мной. Она взяла рукав моей рубашки и, отцепила серебряную винтажную запонку с зеленым дымчатым нефритом. Тугая квадратная запонка, поддавалась с трудом, но ее ловкие маленькие пальчики пересилили плотную ткань.

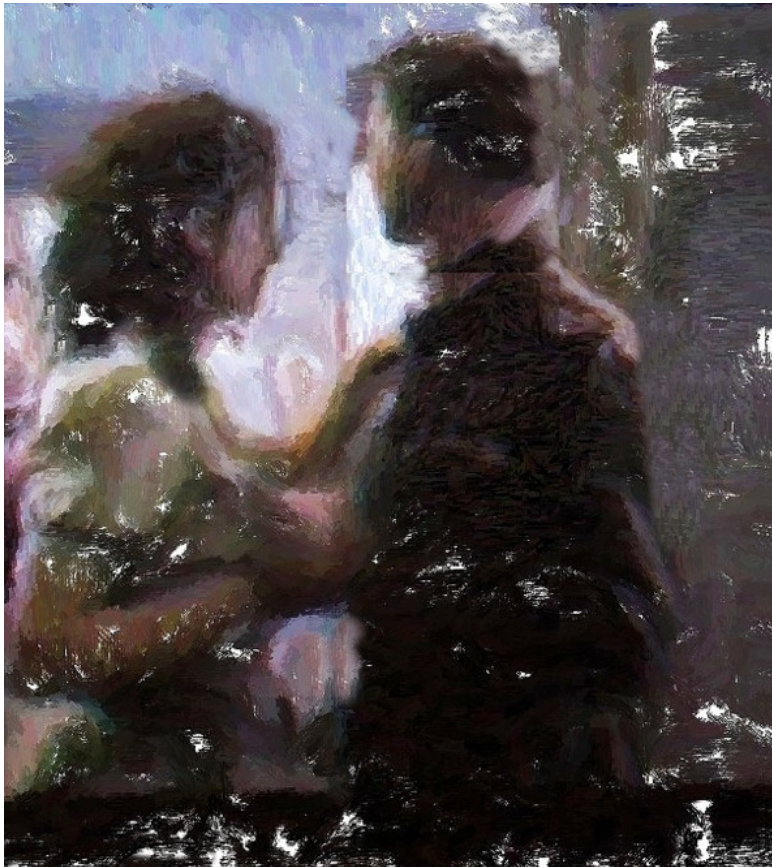
– Вот так! – она спрятала ее у себя в кулачке.

– На память? – грустно улыбнувшись, поинтересовался я.

– На память! – согласилась Маша, и голос ее дрогнул.

– Будете меня вспоминать!? Это хорошо.

– Ничего хорошего. Я почти месяц буду на Сестрорецком курорте в Ахь-Ярви, под Райволой. Если вы... если вам вдруг понадобится ваша запонка, вы всегда можете ее забрать.

Я притянул ее к себе. Она быстро и трепетно прижалась, но в губы целовать не позволила.

– Нет! Нет! Это совсем ни к чему. Увидят.

Прозвучал нутужный свисток паровоза. Я подвел ее к подножке, помог взобраться и когда поезд тронулся – она, робко оглянувшись, сама, быстро поцеловала меня в губы и сунула что-то в руку.

Пока поезд не скрылся в темноте, я видел ее бледное лицо, белую фигурку и тонкую руку похожую на шею лебедя. Она махала ей и виновато улыбалась на прощание.

Глава 3

Зайдя в пристанционное здание, я развернул плотную бумагу. Это была свернутая вчетверо финская почтовая открытка с видом Выборга.

«Михаил. Дорогой и добрый мой Миша. Если у меня хватит сил отдать эту открытку, то Вы точно прочтете ее и сами решите, стоит ли мне писать. Когда Вы ушли, я еще долго плакала, но беззвучно, что бы Вы, не дай бог, не услышали. Я не знаю что со мной.

Дальше следовала фраза, густо вымаранная чернилами и потом приписка: Мой адрес Мадам Марии Александровне Голубевой. Приморская железная дорога. Сестрорецкий Курорт. Пансионат М. И. Пильц. Дорогой мой Миша, открытки идут из Петербурга за один, два дня. Не думаю, что из Сестрорецка потребуется больше времени. Лучше послание отправляйте письмом или секретками. *(Это не классическое закрытое письмо, а т.н. секретка – сложенный листок бумаги с рукописным адресом и наклеенными марками. прим автора.)* Если будете писать открытку, пишите холодно – насколько возможно – я пойму. Не хотелось бы доверять чувства другим, даже почте. Знайте! Вы мне дороги! Очень буду ждать весточки от Вас».

Я аккуратно сложил и спрятал послание в карман. Выйдя из пристанционного здания, увидел, легкий рессорный

двухместный экипаж. На открытой пролетке, с откидным верхом, поджидал меня Захарыч. Мой милый Захарыч! Он уже не первый раз встречал меня. Я любил его за кроткость и понимание. Отставной солдат, испивший до конца ярмо бездумной царской муштры – он так и не приспособился к гражданской жизни. Говорил он отрывисто, четко по военному, но глаза всегда смотрели – по-доброму и ласково. После короткого приветствия, он важно зажег каретный фонарь на свечах, и мы неторопливо тронулись в путь. Спустя не более трех четвертей часа, он доставил меня в гостиницу.

Белое каменное здание подсвечивалось красным светом из окон. Все было как всегда. Тяжелые красные дорожки, медные канделябры с газовыми светильниками и провинциально-доброе отношение к столичному гостю. Мне отвели угловой номер на втором этаже. Я еще успел попить чая из самовара, с тульскими пряниками – у дежурной по этажу. Рассказал ей пару свежих столичных слухов и быстро отправился спать. «Наконец то, этот долгий, ... долгий день закончился», – подумал я. В прекрасном расположении духа я уснул, и легкая улыбка застыла на моих губах. Мне должны были сниться добрые и счастливые сны, про мою юную учительницу, но мне ничего не снилось. Я спал как убитый.

На следующий день у меня было много ответственной работы, но что бы я, ни делал, всегда в голове моей незримо присутствовала она, звучал ее голос. Ее неясный силуэт незримо преследовал меня, торопил. Наконец дождавшись обеда, я зашел в почтовое отделение и, купив конверты, задумался у окна. Все мысли разом пропали.

«Милая Маша! Пишу Вам только сейчас, но думал неотступно полдня, и никакое дело не шло, так как Вы все время были рядом. Пишу глупости. Но что писать не знаю. Пишу правду, то, что первое приходит на ум. Вы меня поймете. Вы, конечно, все поймете. У меня дел невпроворот, а я хожу как чумной и сам себя не узнаю. Никодимыч, инженер, у которого я куратор – смеется, когда видит какой я рассеянный.

Я, правда, что-то делаю, забываю и вновь начинаю сначала. Тем не менее, наши важные государственные дела двигаются. Не думаю, что эта работа у меня займет больше недели. Ваш Михаил».

Вечером я долго ходил по комнате. Когда мерить комнату стало невозможно, снова взял в руки перо.

«Здравствуйте моя дорогая Маша! Днем написал Вам письмо. А пришел со службы, почувствовал себя совсем одиноко. Решил вдогонку отправить Вам маленькую записку. Рассеянность моя, о которой я давеча писал, не прошла, а напротив, усилилась. Надо воспользоваться старым маминим рецептом: обильно попить пустырника и корня пиона – но не знаю, найду ли я в местной аптеке данные препараты. Может, мне проще напиться – как мы, будучи студентами, снимали после экзаменов все волнения. Пишите. Жду. Очень жду. Ваш Михаил».

Письмо от Маши пришло только на третий день, видимо до столицы – путь был больше известен почтовому ведомству.

«Мой дорогой Михаил. Я бесконечно рада Вашим письмам. Их принесли вместе. Вы просто не представляете, сколько восторга они мне доставили. Я уж их целовала, и целовала, и думается, когда лягу спать – положу их под подушку. Все не идет с головы наша встреча. Все-таки я совершенно нерешительная и зависимая от обстоятельств и чужого мнения. Вы меня ни за что не корите. Просто мне нужно

время к Вам привыкнуть. Втайне думаю о нашей встрече – Вы об этом не написали ни слова. Жду весточки от Вас.

Ваша Маша. P.S. Не пейте. Страдайте, как я страдаю. Но или если только самую малость. Ваша М.»

Я трижды прочитал письмо. Положил его в центр круглого стола, и ходил почти полчаса, обдумывая ответ. Наконец, решительно обмакнул перо в чернильницу:

«Милая Маша! На той неделе думаю, все мои производственные дела подойдут к концу. Основное место моего пребывания – полигон офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. Даже если обстоятельства вынудят меня уехать (что очень маловероятно) – это ничего не значит. Я буду писать Вам и оттуда, хотя я, конечно, втайне желаю нашей скорой встречи. Но это решение всецело зависит от Вас. Если Вы согласны напишите, как бы Вы это хотели устроить? Ваш Михаил».

Следующее письмо от нее пришло в пятницу.

«Здравствуйте дорогой Миша. У нас сегодня отмечали праздник Иван-Купала. Катались на лодках за счет заведения. Жгли смоляные бочки. Были даже салюты. На фуршет давали ломтики семги и шампанское. Но мне не было весело. Неотступно думаю о Вас, и считаю дни до нашей встречи, но вот как это устроить – ума не приложу. Здесь встретила своих знакомых по Петербургу – Алентовых. Парочка очень злобная. Если до них дойдут слухи о наших отношениях, они непременно сообщат мужу. Так что встреча

здесь – очень нежелательна. Можно конечно поехать к Вам. Думаю, Вы могли бы все устроить, но это такой низкий поступок с моей стороны, что и Вы, и я сама, перестану себя после этого уважать. Тайно приехать, встречаться в захолустной гостинице – это выше моих сил. Короче я сама не знаю, как быть и вполне возможно, что Господь противится нашей встрече. Стоит ли усердствовать? Может все оставить, как есть, и вспоминать друг друга самыми добрыми словами. Ваша М».

Поздно вечером в пятницу, перед закрытием, я отнес на почту письмо, которое написал; торопясь – в надежде, что к понедельнику получу от нее ответ.

«Как я соскучился Маша! Пишу быстро. Думаю, успею сегодня отправить. Хорошо бы приехать к Вам в понедельник – или раньше. Узнавал. На извозчике не дорого. У меня есть хороший знакомый – Захарыч, которого я знаю давно. Предварительно, я уже все обговорил. Я подъеду, и не буду выходить из пролетки. Зайдет он. Вы должны быть собраны, и последовать за ним. Мы можем направиться на берег Финского залива, подальше от глаз и просто посидеть, покупаться, попить шампанское; или приехать в гостиницу, против которой вы возражали. Или сделать первое, а потом и второе. Короче это мои предложения, а Вам решать. С ответом не задерживайте. Ваш Михаил».

В этот раз письмо от Маши пришло раньше обычного, вечером в субботу – и это было как нельзя, кстати, так как я

весь истомился. Оно было совсем коротким как выстрел.

«Я согласна на все. Полностью доверяю Вам. Жду. Надеюсь. Ваша М».

Утром в воскресенье, когда еще только, только первые лучи солнца коснулись зеленых макушек Церкви Петра и Павла – мы с Захарычем отправились в путь.

Выехав из города: мы проехали старое лютеранское кладбище, потом православное кладбище и мост через новый отводной канал. Повозка шла ходко. Сильно трясло, но я почти не замечал этого. Мелкая нетерпеливая дрожь, время от времени пробегала по моему телу, и одновременно хоте-

лось спать. Всю ночь — я не сомкнул глаз. Возбуждение не покидало меня и не давало расслабиться. По подсчетам Захарыча, к десяти часам, если все будет благополучно, мы должны были добраться до места. Солнце стало пригревать. Чувствовалось — день опять будет жарким и душным.

По пути мы заехали в рощу, которую посадил Петр Великий. Здесь было прохладно и немного сумрачно. Мы сделали небольшой привал, испили ледяной воды из источника и набрали с собой в жестяной бидон. Источник был белокаменный с двумя ангелами, которые руками поддерживали струю. Кругом было много мусора. Захарыч плотно закусил вареными яйцами и домашними пирожками с творогом. Я от предложенного угощения отказался — так как перед этим, обстоятельно почистил рот зубным порошком.

Отдохнув, мы продолжили свой путь по едва накатанной дороге. Местность изменилась. Кругом высились старые дюны, покрытые лесом. Местами перешейки были связаны чистым песком. Повозка пошла тяжело. Чувствовалась близость Финского залива. Колеса тонули. Лошади было нелегко. В отдельных местах, нам с Захарычем приходилось выходить и идти рядом, пока не кончался такой рыхлый участок. Наконец вдали показалась Канонерская слобода, и мы свернули на тракт. Наша каурка сразу побежала веселей.

Спустя еще полчаса, показался нужный нам пансионат. Двухэтажные деревянные дома выглядели добротно. Все строения были покрыты листовым железом зеленого цвета.

Фигурные крыши затейливо устремлялись в небо. В боковых флигелях были устроены: столовая, библиотека, бильярдные и карточные комнаты.

Захарыч отправился разыскивать Машу. Я приспустил полог и в небольшую щель, в нетерпении осматривал площадь. В центре высился величественный памятник Петру I. Вытянутая рука его, основательно обгаженная голубями – показывала в сторону Финляндии или Швеции. Взгляд был строгий и даже воинственно-страшный. Кругом стояли скамейки, на которых сидели отдыхающие. Дамы, все сплошь, были с зонтами, и очень задумчивы. Мужчины, красовались в шляпах на английский манер; а дети в панамках или больших мексиканских уборах до трех пядей в диаметре, с подвязками под подбородком. Некоторых ребятишек родители катали на пони, осторожно ведя их под уздцы.

Наконец, я увидел возвращающегося Захарыча. Старый солдат не потерял выправку – шагал бодро и размашисто. Чуть поодаль, сильно отстав, шла Маша, изображая скучающий вид – как и все вокруг. На ней было свободное светлое платье, длиной, почти до щиколотки. Поверх – легкая, кофейного цвета, кофточка из джерси. В руках она держала собранный зонтик, а на голове у нее красовалась изящная темная шляпка с искусственными розами. Лицо ее было закрыто коричневой вуалью.

– Поступила команда отъехать, – проговорил Захарыч, взбираясь на облучок. – Тут слишком людно. Мария Алек-

сандровна, сказала, что лучше забрать ее у детской веранды. Там, за деревьями, – возница показал рукой. – Она сама подойдет.

Я изнывал от нетерпения, но пришлось подчиниться. Мы встали в тени – за большим раскидистым деревом. Веранда сплошь была увита плющом и почти пуста. В ней только тихо играл, оловянными солдатиками маленький мальчик, одетый в матросскую форму.

Неожиданно пролетка скрипнула, подалась вниз и в нее быстро, и легко как ветер, забралась Маша. Она, молча и строго, поставила мне пальчик в белой перчатке к губам.

– Тс-сс! Все потом!

Закрывшись зонтиком, она как мышка, спряталась в глубине. Только когда мы отъехали на порядочное расстояние и остались одни, она собрала зонтик и мягко прильнула ко мне всем телом. Я поцеловал ее так продолжительно, что кажется, умер. Я бы может, еще целовал, но она уже начала нетерпеливо колотить меня кулачками по спине.

– *Que vous faites!* (*Что вы делаете. фр.*) С ума сойти! – проговорила она воодушевленно и восторженно, переводя дыхание. Лицо ее зарделось, а глаза сияли чистым умытым блеском в тени кожаного верха.

– За все дни отсутствия! – проговорил я с улыбкой и, взяв ее узкую ладошку, начал снимать белую перчатку. Потом прикладывал каждый пальчик к своим губам и, целуя, говорил:

– За папу, за маму, за братика, за сестричку.

Маша светилась от радости и счастливая улыбка не покидала ее лица.

– Давайте уж тогда манную кашу?

– А нету!

– А ищите. Ничего не знаю. Хочу!

– Сто лет не пробовал ее, но все в наших силах – желание сударыни закон!

– Шучу! Шучу! – она выглянула из пролетки. – И куда мы собрались?

– Просто едем – пока не знаю.

– А у меня для вас сюрприз, – воскликнула она весело.

– И какой?

– Я вчера ходила... ходила, думала...

– И что в итоге?

– Представляете, сняла дачу на неделю! Собственно не всю дачу – флигель, пристройку к дому с отдельным входом. Хозяйке объяснила, что приезжает муж. Впрочем, она на меня так смотрела – думаю, все поняла.

– Вот это сюрприз! Но у меня только четыре – ну может быть – от силы, пять дней!

– Я понимаю, но меньше недели снимать было не с руки – итак для меня это было испытание.

– Я деньги отдам.

– Чепуха. Я уже и продуктов вчера завезла. На неделю хватит или нет, не знаю, но с голоду не умрем. И даже Кокур

ваш любимый удалось достать.

– Не может быть! – изумился я.

– Правда! Правда! – заверила она меня с торжествующим выражением лица.

– У меня нет слов. Мало дней, мало! Командировку мне бы отметили и задним числом, это не проблема: Сестро-рецкий завод для меня как родной, но меня требует по неотложному делу генерал Хлебников – будь он неладен. У них проблемы с баллистикой. Не пошли испытания. И сроки, сроки! Я уж и так, отпросился до четверга. Ворчит старик. Ну, буду еще связываться, раз такое дело. Хотя шансов мало. Но что мы о грустном. Показывай дорогу Захарычу – к твоим хоромам.

– Во-он! Вон там видите – вдоль Финского залива – это устье реки Сестры, на север поворачивает. Оно там соединяется со старым отводным каналом. Там полно дач. Нам – туда.

– Эти дачи я знаю. Бывал. У наших знакомых, профессора Кайгородова, там дом. Один особняк – на Институтской в Петербурге, другой здесь. Я был дружен одно время с его сыном – Константином. В итоге, он стал лоботрясом, бросил учебу, мы перестали поддерживать отношения. Вы паспорт хозяйке показывали?

– Нет. Сказала, что муж приедет – у него документы.

– Хорошо. Это вы правильно сделали.

– Вот сюда сворачивайте. Третий дом от угла.

- Черт побери! Это почти рядом с профессором, вон его дом с белыми колоннами.
- Это может как-то вам повредить Миша?
- Нет! Конечно, нет. Все нормально. Поверьте.

Глава 4

Я расплатился с Захарычем. Мы обговорили, когда он за мной заедет и, подхватив тяжелый, желтый саквояж из телячьей кожи, я с Машей отправился в дом. Она открыла ключом хлипкую дверь, и мы прошли в просторное, но несуразно длинное помещение, частично разгороженное легкой перегородкой.

– Это кухня, а это спальня, – доложила Маша, показывая комнаты. – Готовить будем на примусе.

Я узнал стоимость аренды и почти насильно отдал ей деньги. Она, беря ассигнации, взглянула на меня сердито и с осуждением.

В импровизированной кухне, стоял низкий посудный шкаф со стеклянными дверками и небольшой столик из вишни, с гнутыми ножками. В большой комнате, служившей залом, стояла широкая кровать. На ней, местами, была отбита инкрустация, и мозаика из черепашьих пластин. В углу, перекрывая часть окна, возвышался огромный шкаф с примитивно сделанными аппликациями-обманками в так называемой технике «Arte Povera» – декупаж «для бедных». Это когда из гравюр вырезались картинки, и элементы орнамента – а затем лакировались. Также, совсем не к месту, у входа – стоял большой бильярдный стол, покрытый зеленым сукном.

Маша подошла к зеркалу на шифоньере, вытащила пару заколок и черепаховую гребенку, в виде бабочки из своих волос. Полголовы и лоб у нее занимала челка, спускавшаяся до самых глаз. Сзади, волосы свободно рассыпались по плечам темными полуволнами, немного не достигая пояса. Оглядев себя со всех сторон, она сколола все обратно, и, обернувшись, показала мне язык – обнаружив, что я, наблюдаю за ней.

Не прошло и пяти минут, как пришла хозяйка – Аделаида Алексеевна, женщина лет тридцати восьми-сорока, с серьезным и немного злым выражением лица. Одета она была просто, но со вкусом. Обращало на себя внимание глубокое декольте и сильно открытая грудь женщины.

– Господа милости прошу! Здравствуйте! Паспорта можно ваши посмотреть?

– Паспорт только у меня, – сказал я, доставая документы из нагрудного кармана.

– А ваш – сударыня? – обратилась она к Маше.

– У меня с собой нет.

– Вы же говорили, что остановились в пансионате?

– Да это так. Но...

– Завтра принесете?

– Если получится.

– Нет! Так у нас дело не пойдет. Я, конечно, могу и сама сходить в пансионат – здесь не далеко, но будет ли вам это приятно?

– Этого не нужно делать, – сказала Маша, и кровь бросилась ей в лицо.

– Ну что деньги оплачены – как с вами быть? Молодой человек пусть живет, данные я его перепишу, ну а вы уж не обессудьте, в гости, пожалуйста, заходите, но ночевать – я бы вам не советовала.

– Хорошо, – чуть слышно прошептала Маша и чтобы не расплакаться быстро отошла к окну.

От такого оборота событий я растерялся. Все замолчали.

– Профессор Кайгородов часто бывает? – спросил я, что бы как-то сгладить неловкую паузу.

– Вы его знаете?

– Да! Я даже пару раз гостил у него здесь, то есть у его сына, но, правда, это было давно.

– Хороший старичок – божий одуванчик, но последнее время стал заговариваться. Сыночек его все ждет, не дожидется, когда он помрет. Мечтает размотать его состояние.

– Вы недобрая, – урезонил я ее.

– Я справедливая. Это разные вещи. Никому не хочу зла, но, то, что думаю – говорю прямо и открыто, за спиной не шушукаюсь.

Я тяжело вздохнул.

– И зря вы вздыхаете, – продолжила она, понизив голос и сбавив накал. – Я же не иду узнавать действительную фамилию вашей барышни. Не инициирую расследование, письма, слухи. Зачем? Просто – условия у меня строгие. Вече-

ром, ваша дама должна уходить, а со свечкой стоять, конечно, никто не будет. Отдыхайте, – голос ее подобрел. – Наверно устали с дороги? Во дворе душ. Там можно освежиться.

– Благодарю, – процедил я сквозь зубы.

– Да не за что пока-а..., – сказала она многозначительно и неопределенно.

Хозяйка круто развернулась и, не взглянув, на украдкой плачущую Машу – ушла степенно и с достоинством, слегка покачивая полными бедрами. «Вожжей бы – по этим бедрам не мешало!» промелькнула спонтанная мысль.

Я подошел к Маше. На ней не было лица. Она вся была в слезах, с распухшим покрасневшим носом, которым постоянно шмыгала. Увидев меня, она быстро прикрыла лицо ладошками.

– Не смотрите? – торопливо бросила она.

– Почему? – искренне удивился я.

– Не красивая.

– Это не вам решать, – заключил я.

– И вообще я не барышня, а дура набитая.

– Может нам поискать другую дачу? – предложил я, пытаясь ее отвлечь от мрачной действительности.

– Думаю, это только разозлит ее. Тут же многие друг друга знают. Назло начнет пакостить. Уж будь, что будет! По большому счету она права – я ее понимаю. Если бы все были такие честные – может, в нашем российском государстве было все по-другому.

– Что вы еще про нее знаете? Кто вам ее посоветовал? – спросил я, обдумывая варианты.

– Никто. Случайно получилось. Спросила на улице. Оказалась хозяйка. Сразу к себе повела. Она вдова, а муж у нее был инженер. На Сестрорецком заводе случилась авария, но подробностей я не знаю.

– Понятно. Видимо это оставило отпечаток на ее характере.

– Все может быть. Вы, правда, сполоснитесь с дороги. Я пока тоже себя в порядок приведу.

– Вы думаете?

– Конечно.

– Хорошо. Только полотенце возьму.

– Там наверно есть. Так-то у нее все чистенько: и белье, и посуда в идеальном порядке. Халата конечно нет. Ну, идите уж. Идите.

Просторный дощатый душ примыкал к другому строению – летней кухне или бане. Вода в большой кадке, на крыше, использовалась на два помещения сразу. В нем было сумрачно. Под самым потолком, светлело маленькое продолговатое окошко. Я разделся и почувствовал тревожное чувство, как будто кто-то за мной наблюдает. В нерешительности я осмотрел старые доски, но не заметил ничего подозрительного, только быстрые паучки испуганно метнулись в широкие щели.

«Чепуха на постном масле!» – сказал я себе, потом сделал

усилие, улыбнулся и отвел в сторону железный рычаг. Нагретая за день вода, приятно льнула к телу, холодила старый шрам на груди. Большим розовым мылом, с запахом лаванды, я помыл голову. Тело – просто сполоснул водой. Когда я насухо вытирался, опять какой-то неясный стук или шорох привлек мое внимание. «Все-таки что-то мне постоянно грезится! Ну и пусть! Может мыши. Ежик. Да все что угодно!» – пронеслось у меня в голове, и наскоро одевшись, я отправился в дом.

Маша меня уже ждала. Настроение у нее не улучшилось, судя по всему, но она старательно демонстрировала передо мной – обратное.

– Ну, наконец то, мой милый наплескался!

– Именно так – как вы говорите! – бодро промолвил я.

Я выглянул на широкую длинную веранду. В углу, на жардиньерке, стояли горшки с цветами. У дальней стены – прилежало плетеное кресло-качалка. Овальные итальянские окна были распахнуты. С террасы открывался прекрасный вид на Финский залив. В светлой воде бледно плавилось солнце, и совсем далеко, тарахтел почти не видимый рыбацкий баркас. Если бы не чужие взгляды с улицы, можно было бы устроиться и здесь на ветерке.

Я с сожалением вернулся в наше сумрачное жилище. Стол порадовал меня. Во всем чувствовались заботливые женские руки. Тонкие пластинки ветчины – были переложены свежими огурчиками. Чуть поодаль, лежали пальчики охотничьих

колбасок. По центру – стояла тарелка с запеченной радужной форелью украшенная дольками лимона. Отдельно высилась ваза с фруктами. На сладкое – были эклеры, крекер и немецкие галеты.

– Может, начнем с вина. Правда, оно теплое, – предложила Маша.

– Пойдет. Давайте я открою.

– Не уверена, такое – не такое? Выбирала. Очень хотелось угодить. Две бутылки взяла.

– Маша! Даже «казенка» необыкновенно хороша, когда барышня нравится. А уж если нет, так тут уж ничего не попишешь. За что пьем?

– За встречу!

– Хочу за любовь!

– Нет. За встречу будет, лучше. Нельзя так словами бросаться, походя, – промолвила она смутившись.

– Значит за многострадальную встречу! Ура!

– *Nous vaincrons!* (*Мы победим. фр.*) Ура! Ура!

– Нет, вино совсем не хуже сударыня. Вы угадали.

– Я так старалась! Вы бы только знали, как я готовилась!

Лицо у Маши приняло естественный оттенок бледности. В нем читалась начитанность: Чехов, Толстой, Куприн – и в глазах была та особая утонченность, что так нравится нам мужчинам и которая ничего общего не имеет с пошлостью и развязностью. Наверно только русские женщины могут быть так возвышены, чувственны и готовы на самопо-

жертвование.

– Почему-то вы мне сейчас напоминаете гимназистку, – сказал я и улыбнулся.

– Это не так давно было. Я иногда смотрю на себя в зеркало и удивляюсь. Неужели это и, правда, я. Совсем взрослая стала: и не нужно отпрашиваться у матушки, и по любому пустяку держать ответ.

– Ваша мать была строгая?

– Ну не без того. Тогда мне это казалось естественным, а вот сейчас – вспоминаю те годы и думаю, все же ребенок есть ребенок и на одних запретах, строгости и послушании нельзя строить взаимоотношения в семье. Но детство прошло, как прошло и ничего не вернуть, тем более, ее уже нет с нами и поминать ее плохо, не хотелось бы. Люди такие разные.

– Это верно. Сколько людей – столько характеров.

– Одного я ей простить не могу, что когда она заболела, так скоропалительно приняла решение и отдала, буквально выпихнула меня замуж. Ей казалось главным – до своей смерти – обязательно увидеть меня под венцом.

– Это был брак по расчету?

– Ну, в общем, да и нет.

– Это как?

– Ну, если в расчет брать деньги – у моего мужа никогда не было больших денег. Он государственный чиновник средней руки. Из хорошей семьи. У них дом на Мещанской

с братом наполовину, которые они сдают и имеют доход. Ну и жалование, взятки, подарки, подношения от просителей. Я это все ненавижу. Он знает это и, тем не менее, каждый вечер перечисляет мне: кто, сколько, и за что, ему вручил... ту, или иную сумму. По натуре он не злой, но меня рассматривает, прежде всего, как вещь – которую можно употреблять, прежде всего, для одной цели. Думаю, вы догадываетесь. Я его никогда не любила, да что там любила – даже не испытывала симпатии. От бессилия и беспросветности – мне порой, даже хочется наложить на себя руки. Конечно, я этого не сделаю, но мысли такие – сами по себе ужасны и недостойны меня. Ведь я тоже человек и меня, хоть самую малость, можно уважать, считаться со мной.

– А возраст?

– С этим я уже смирилась! ... Что-то мы не пьем? Давайте еще.

– По немножко?

– Лейте! Не стесняйтесь! – она озорно засмеялась, и добавила. – А то я хандрю. Вы следите за мной! Мы же не грустить собрались и мои печальные истории слушать?

– Ма-а-а-аша-а-а!!!

– Мария Александровна! – поправила она.

– Ух, как!

– И почаще!

– Слушаюсь и повинуюсь моя госпожа! – безропотно согласился я.

– Давно бы так. Наливайте сразу и по третьему бокалу, – пошла в разнос Маша.

– Мы не спешим?

– Хочу быть пьяная.

– Пьяная?

– Пьяная и веселая. *Se promener ainsi se promener. (Гулять так гулять. фр.)*

– Что бы все забыть?

– Все, все! И хозяйку, и Петербург, и прошлую жизнь. Я когда выпью – становлюсь сама собой. Естественная. Даже сама себе нравлюсь.

– Ну, значит третий тост за вас. Сам Бог велел.

– Поддерживаю.

Я передвинул стул поближе к ней и сел почти вплотную.

– Не поняла вашего демарша, – сказала она, покосившись на меня и морща смешно лобик, – лучше яблоки порежьте и садитесь, где сидели, а то я вас не вижу совсем.

Я убрал темный завиток волос и поцеловал ее в розовое ушко.

– Вы видите у меня в руке нож, – повела она плечом, как бы сбрасывая что-то, – сами не режете и мне мешаете.

– Так уж и мешаю?

– Конечно! Мы так хорошо беседовали. Я жду, что вы про себя расскажете. Я ведь совсем о вас ничего не знаю. Давайте назад, и это, – она подняла руку и покрутила ей неопределенно в воздухе. Этот жест видимо означал, чтобы все вер-

нулось на круги своя. Я с сожалением отодвинулся на полшага.

– Нет! Сядьте напротив. Ну, пожалуйста, прошу вас. Мне очень надо видеть ваше лицо. Я люблю на него смотреть.

Я, сделав губы трубочкой, промышчал что-то неопределенно-обиженное и, повинувшись, пересел напротив.

– Вот теперь вы молодец! *L’homme admirable!* (*Чудесный мужчина. фр.*) – она нагнулась через стол и поцеловала меня. – Не дуйтесь. У нас уйма времени.

Но она ошиблась. Как раз в это время слышались шаги у двери, закрипели половицы крыльца, и кто-то постучался. Маша надув щеки закатила смешно глаза и приложила палец к губам.

– Тс-с! Кто там? – зашептала она.

– Не знаю, – ответил я тоже шепотом. – Если хозяйка – обойдется. У нас сонный час. Прикройте быстренько еду вон тем покрывалом. Я стулья унесу.

Опять постучали, но более требовательно.

– Что уж там! Придется впустить, а то подумает не бог весть что. Так будет лучше, – проговорила она.

Я со вздохом пошел открывать. В проеме с обезоруживающей улыбкой возник Константин.

– Сударь!!! Как я рад видеть вас в нашем забытом богом уголке! Не ожидал! Честно не ожидал!

– Привет Костя. Сто лет!

– Ты как не рад?

– Хозяйка сказала? – вопросом на вопрос, уклончиво ответил я.

– Она. Дай, думаю поручкаюсь зайду. Ну, показывай, жена, невеста?

– Ну, тебе прямо всё и расскажи!

– И Расскажи и покажи. Да! Красавица! – он приложил ее руку к своим губам. – Константин. Старый друг Михаила, настолько старый, что он уже совершенно, забыл меня и не удостоился заглянуть по соседству.

– Мария Александровна, можно просто Маша.

– Очень приятно сударыня. Чудесное у вас имя. Мое любимое. И матушку у меня так зовут. Если не прогоните, я тут у вас посижу минутку. У нас тут такая скука! Вы не представляете, как я истосковался по хорошему общению.

Эта минутка у него затянулась почти на пару часов. Мы уже попили вместе морса с крекерами и эклерами. Я уже демонстративно молчал, но Косте все было нипочем. Он трещал и трещал без умолку и при этом смотрел только на Машу. Меня как бы не существовало в природе. Природная скромность Маши – не позволяла ей уйти или ответить резко, она только изредка виновато улыбалась, перехватывая мой возмущенный взгляд.

Наконец я не выдержал и уже прямо сказал:

– Костя, нам хотелось бы немного отдохнуть. Маша чувствует себя не совсем здоровой.

– Да конечно! Это я понимаю. Но как жаль. Правда, дру-

зья мои! Я бы так и сидел бы с вами, и болтал весь вечер. Так не хочется уходить!! Может, ко мне пойдём? Я теперь рисую, пишу картины, в основном пейзажи. Подарю, если что-то вам понравится?

– Нет. Нет. Как-нибудь в следующий раз.

– Тогда я не прощаюсь. Не откладывайте, завтра и приходите.

– На счёт завтра не обещаем.

– И слышать ничего не хочу. Буду ждать. Разволновали вы меня, разволновали друзья мои. Пойду, наливочки выпью, пару стаканчиков, может, полегчает.

Почему-то, он не одобрил наш выбор в отношении жилья. Об этом, в разговоре, он сказал не единожды, но уточнять, что он имел в виду, мы не стали.

– Вот дернул меня черт за язык, сказать про знакомство с Кайгородовыми, – чертыхнулся я, когда за Костей, наконец-то, закрылась дверь.

– Вы думаете, он все понял, что мы не муж и жена?

– Ну, понял – не понял, что с того?

– Мне стыдно. Сколько сидела – столько и думала об этом.

Мне кажется, мы сами себя поставили в такое положение.

– Давайте не думать об этом.

– Давайте.

– А улыбку на лице?

– Я улыбаюсь, – она виновато растянула губы, и глаза у нее неожиданно повлажнели. Чувствовалось, что она сейчас рас-

плачется.

– Вы что сударыня?

– Я такая по жизни и есть несчастливая. Это все от меня. Больше ждешь, настраиваешься – обязательно что-то случается, что ставит все вверх тормашками.

– Так, так, так! Где у вас платочек? Слезы утираем Мария Александровна и к столу. У меня тут тоже кое-что есть. – Я покопался в своем объемистом саквояже. – Херес! Для поднятия настроения.

– У меня разболится голова. Уже сейчас шумит, – сказала она неуверенным голосом.

– Подумайте. Нельзя допустить, что бы внешние обстоятельства были сильнее наших желаний.

– Скоро темнеть начнет, пора возвращаться.

– В этот раз нам никто не помешает, – твердо сказал я и достал наган из сумки, – пусть только кто-то сунется.

– Господи! Какой ужас. Зачем он вам?

– Служба Маша, служба. Тут у меня пакет с секретными документами. Где их оставлять – не в гостинице же. Там замок любым гвоздем открывается на раз. А к документам – положено оружие. Вот нам и выдают, пистолет братьев Наган. Чудесный бой я скажу у этой вещицы. – Я легко крутанул барабан. Матово, желтым блеснули 7 патронов. – Тяжеловат, конечно, оттягивает карман. Вот кладу в саквояж.

– Вы страшный человек!

– Обыкновенный. Держите, я полстаканчика вам налил.

– Наверно не стоит, – усомнилась Маша.

– Попробуйте.

– Что делать. Рискну. Но меня может затошнить.

Мы пили херес, запивали клюквенным морсом с крекером. Иногда мне удавалось шутить, но Маша все больше смотрела в окно и была очень грустна. Когда пары хереса немножко затуманили мне голову, я, аккуратно подойдя сзади, повернул ее вместе со стулом. Маша немного растерянно взглянула на меня. Я опустил на пол у ее ног и обнял ее узкие лодыжки, которые торчали из-под длинной юбки.

– Мария! Святая Мария! Если есть святые женщины, вы одна из них – чуть слышно произнесли мои губы.

– Ну, какая из меня святая? Падший ангел!

Стало совсем тихо, только было слышно, как назойливо билась муха о стекло.

Я вспомнил наши бесконечно долгие поцелуи в поезде! Да – она точно, такая как я и думал ...такая невозможная красавица, и так же нежна и стеснительна! А о доступности? Мечтал! И думал: «Такого не может быть!! Потому что такого не может быть никогда! Она замужем. Я не верил. Ни во что не верил. Желал чувствовать, что она рядом – совсем близко. Вспоминал ее теплые губы; закрытые трепещущие ресницы; горячее дыхание; голос, волосы – всю ее такую домашнюю, нерастраченную, желанную. И вот теперь эти отчаянные желания начинали сбываться. Сбываться вопреки всему.

Взбираясь по икрам ладонями, я гладил ее ноги. Обтянутые тонким шелком они округло тонули в моих руках. Мои пальцы ощущали их плотную упругость... тонкий шов сзади. Смело открылись ее колени. Они были плотно сомкнуты. Черные тонкие чулки матово круглились, заставляя сильнее биться сердце. Она была напряжена. Идеально натянутый на дамскую ножку шелковый чулок может свести с ума любого.

– Мария Александровна!? Вы казнитесь?

– Да! Скорее да!

– Зачем?

– Это пройдет. Не обращайтесь, пожалуйста, внимания.

– Вы боитесь меня?

Она не ответила, только положила мне руку на голову и стала перебирать волосы. Я сильнее сдвинул край ее платья. Коснулся губами полных стройных ножек, ощутил тепло и запахи женского тела.

– Как долго я этого ждал, мечтал, верил, – сказал я немного восторженно, – скажите что вы – это вы! Вы так стеснительны и непорочны...

Я еще более открыл ее ноги. Показались атласные черные подвязки, поддерживающие чулки, а за ними открытые нежные участки обнаженного тела. Я, зубами прихватив, развязал один бантик, потом другой и утонул лицом в этой теплой глубине. Не сразу уловил ее тихий шепот.

– Я тоже так ждала этого. Так себе все представляла, но,

мне что-то не хорошо.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Как не хорошо?

– Стоит вот тут у горла. Наверно херес не пошел. И голова кругом идет.

– Плохо. Тошнит?

– Мутит, скажем, так. Давайте я схожу в одно место. Там поглядим.

Я неохотно разжал руки. Поднялся. Она встала с виноватой улыбкой. Подвязала, высоко задирая платье, сползающие чулки и неуверенной походкой отправилась во двор. Ее очень долго не было, а когда она пришла, то побыла только минутку, попила воды из холодного самовара и вновь ушла.

На улице стали заметно сгущаться сумерки. Я тупо ходил из угла в угол, бессмысленно мерил комнату, достал спички, хотел зажечь лампу но передумал. Все прислушивался к звукам, что шли со двора. Прошло не менее получаса, когда она вновь появилась. Зайдя, она сразу устало опустилась на стул.

– Что!? – спросил я тревожно и с надеждой.

– Не знаю, – ответила она слабым голосом. – Не знаю.

– Не легче?

– Как сказать... ...!!!

Она замолчала, прервав фразу.

– Говорите! – не выдержал я.

– Конечно, я могу пожертвовать собой, но неужели вы согласитесь на это?

Мы надолго замолчали. Маша неотрывно смотрела в окно. Лунный свет проникал в комнату. Глаза ее были сухи, ресницы не вздрагивали. Было такое ощущение, что где-то рядом пронесли покойника. Я вдруг почувствовал себя разбитым. Никаких слов у меня не находилось. Была просто огромная зияющая пустота.

Не зажигая света, я на ощупь нашел клеенчатый пакет с документами и положил в карман. В другой сунул наган. Она все поняла.

– Пойдемте?

– Пойдемте, я вас провожу.

В комнате было темно, а на улице уже ярко светила луна. Маша крепко вцепилась мне в локоть. Она прижималась ко мне всем телом, пока последние домики дачного поселка не скрылись у нас за спиной.

– Вы не обижаетесь на меня?

– За что.

– Ну, все так...

– Глупости.

Мы шли очень медленно. Часть дороги молчали. Каждый думал о своем. Досаждали комары. Я наломал веток – себе и ей. Спустя примерно час, показались строения санатория. Ярко светил, освещая главный вход, фонарь работающий по принципу вольтовой дуги.

– Я не хочу на такой ноте прощаться, – сказала Маша, – спать совершенно не хочется, пойдемте на залив.

– Грустно все.

– В той стороне есть лодочная станция.

Пройдя двести-триста шагов, мы наткнулись на перевернутую лодку. Усевшись поудобней, мы стали смотреть на залив. Легкий ветер играл волнами и отгонял комаров. Почти полная луна, хорошо освещала берег. Ее желтовато-зеленый свет делал все предметы вокруг нереальными. Как будто они возникли из далеких снов.

– Я знала, что вы поймете меня. Спасибо.

– Когда мы шли, я наступил на мертвую чайку, – сказал я. – Это плохо!

– Это суеверия. Вы расскажите мне что-нибудь хорошее, доброе.

Я рассказал ей немного о себе. Она очень внимательно слушала и при этом, старалась в темноте видеть мои глаза. Луна светила так, что ей наверно было что-то видно, я же не видел ничего – кроме ее черного силуэта.

– Вот и все! – сказал я, закончив эпопею своей жизни.

– Нет! Нет! Пожалуйста, еще. Прошу вас.

Я вспомнил далекое детство, увлекся, и мы еще просидели не менее часа. Наконец спохватились, что давно пора идти. Как бы ни закрыли спальный корпус. Мы пошли скорым шагом, почти бежали и, тем не менее, опоздали. Я близко не подходил. Маша сходила одна и скоро вернулась.

– Не знаю что делать! Стучать, всех будить. *La sortie je ne vois pas.* (*Выхода не вижу. фр.*) Завтра наши кумушки будут обсуждать это как главную новость? – сказала она в расстроенных чувствах.

Меня эта новость напротив настроила на веселый лад.

– Это не здорово Мария Александровна, – проскрипел я измененным старушечьим голосом, подражая кумушкам и подсмеиваясь одновременно. – Откуда вы это после двенадцати одна возвращались – хочется спросить?

– Вам ли не знать Миша, – ангельским голоском ответила она, включаясь в игру и кладя мне голову на плечо. – Вам ли не знать!

– Ну что делать, – сказал я обычным голосом и вздохнул. –

Пойдемте обратно. Прокрадемся как мышки. Авось наш полицейский не заметит.

– Давайте попробуем. А что делать.

– Здоровье то как?

– Лучше – намного. А как испугалась и вообще забыла про него.

Глава 5

Обратный путь мы проделали в два раза быстрее. Подходя к дому, пошли осторожней, и зашли крадучись. Я зажег керосиновую лампу, трехлинейку. Винтовка – трехлинейка, лампа – трехлинейка. Мне как оружейнику были так знакомы эти размеры 7.62 мм, калибр ствола и ширина фитиля. *(Линия. Одна десятая часть дюйма. 2.54мм)*. Даже мой наган был под стать. Вставив стекло, я подкрутил фитиль наполовину, что бы огонь был поменьше. Предварительно, мы договорились в доме не разговаривать.

Я помылся в кадушке и принес ей смоченное полотенце. Пока ходил, моя гостья, раздевшись, моментально юркнула в постель. Это было сделано так быстро, что мне даже толком не удалось насладиться прелестями молодого женского тела. Только розовые пятки сверкнули. Я подошел к постели и подал ей полотенце. Она, лежа тщательно протерла губы, лицо руки. Я меж тем с интересом взял в руки, висевший на спинке черный корсет с белыми вставками по бокам. Это был обычный корсет, что поддерживает женскую грудь и заканчивается в низу живота. Широкий пояс, был укреплен жесткими вставками из китового уса и шнуровкой. Он еще пах женским теплом, молоком и еще чем-то терпким необъяснимо волнующим. На уровне груди и понизу в районе бедер – были приторочены светлые ажурные ленты, с мел-

кой просечкой, сшитые в виде бантов. В стянутом виде корсет имел силуэт песочных часов. Увидев мой интерес, Маша легонько вырвала его у меня из рук и сунула себе под подушку. Я недовольно покачал головой. Она, тоже сделав большие глаза, покачала в ответ и, зажав рот, чуть не прыснула смехом.

После долгих прогулок мне захотелось подкрепиться. Я жестами показал ей накинуть что-нибудь и присоединиться ко мне. Она отказалась – только показала рукой на яблоки. Я принес ей в постель одно яблоко, а сам налил себе три четверти стакана хереса и сделал пару бутербродов с ветчиной и подсохшим сыром. Маша, показывая взглядом на вино, негодуя поворачивала головой у виска. Я отмахнулся. Херес пошел прекрасно. Я сделал еще один бутерброд. Она сложила руки ладошками, и приставила к уху, поторапливая меня, что бы я быстрее заканчивал и шел спать.

В это самое время – послышались вначале не ясные, а потом все более четкие звуки шагов. Кто-то медленно прошел под нашими окнами. Шаги остановились у нашей двери. У Маши от страха – глаза сделались очень большими. Она почти с головой, ушла под одеяло. Я неторопливо вытащил наган, легонько, большим пальцем крутанул барабан, проверив патроны – но не стал взводить его. Было около часа ночи. Кто-то упорно стоял у нашей двери и видимо прислушивался к тому, что происходит в комнате. Наконец, крыльцо закрипело, и кто-то осторожно постучался. Я взял со стола

лампу и подошел к двери, второй рукой сжимая наган.

— Кто там?

— Это я. Аделаида Алексеевна! — раздался голос нашей хозяйки.

— Что вам не спится? — сказал я рассержено и довольно грубо.

— Откройте. Надо поговорить.

— Приходите утром, — сухо сказал я, отмечая такую возможность.

— Нет. Дело не терпит отлагательства.

— Я не одет.

— Я подожду, — заверила женщина.

Я засунул обратно наган и показал жестом Маше, что бы она собрала одежду и спряталась под кроватью. Но это было лишним. Она и сама все поняла и сделала это быстро и проворно.

Я откинул крючок и впустил хозяйку. На ней было дорогое светлое платье из джерси или твида с завышенной талией и подвязками чуть ниже груди, а на ногах туфли на высоком каблуке. Это было забавно для часа ночи и нахождения на даче, хотя в целом наряд, несомненно, шел ей. В туфлях она казалась выше меня ростом, хотя уж этим меня батюшка не обидел. Сама фамилия Громадин, о чем-то говорила.

Хозяйка, довольно бесцеремонно, цокая каблуками, прошла к столу и присела на плетеный стул. В руках она держала бумажный пакет, и немного нервно перебирала пальцами

его края. Мне пришлось тоже присесть.

– Ну что, – сказала она ласковым голосом, после непродолжительной паузы, – проводили свою барышню?

– Проводил, – односложно и неприязненно ответил я.

– Как она? Не плачет?

– Нет. Успокоилась, – заверил я.

– А я вот себе места не нахожу! Думаю все! Думаю! Зачем все это!?! Будто сама не была молодой!

– Не знаю, что вам сказать, – поморщился я, не совсем доверяя искренности Аделаиды.

– В общем, я пришла мириться, – промолвила она ангельским голосом.

– Мы не ругались по большому счету, – подтвердил я, пытаясь не обостряться, и не понимая, куда она клонит.

– Но разговор был не из приятных. Не правда ли? Так вот, – она достала из пакета бутылку коньяка, – давайте пригубим, простим, друг друга и будем жить мирно и в согласии...

– До утра – не подождет? – перебил я ее.

– Ну что вы хотите, чтобы я опять думала... и всю ночь не спала?

– Ну, хорошо, – со скрипом согласился я, – бросая быстрый взгляд в сторону кровати.

– Я закуски не брала. Тут у вас я вижу полно. Осталось?

Она прошла к посудному шкафу, уверенно достала большие коньячные фужеры. Чисто намытые и протертые навер-

но мелом и бумагой, они ярко бликовали от света лампы.

– Открывайте, открывайте, – сказала она, деланно улыбаясь, – или вы это даме поручите?

Я открыл. Налил на доньшке себе и ей.

– Нет! – запротестовала она – и, взяв бутылку, подлила нам обоим, примерно в три раза больше чем было. – Вот так будет лучше. А то складывается впечатление, что вы и мириться со мной вовсе не желаете. До дна!

Пришлось выпить. Коньяк был необыкновенно хорош. Я повернул этикеткой к себе бутылку, изучая происхождение приличного напитка.

– Понравился?

– В общем да! – вынужден был согласиться я, невольно отмечая положительные стороны нашей хозяйки: чистоту, принципиальность, наличие вкуса.

– Шустовский армянский! 10-лет выдержки! – пояснила она, инстинктивно поправляя волосы, – подарок. Пять лет еще у меня стоял, – подчеркнула Аделаида важность момента.

– Чувствуется.

– Еще по бокалу?

– Да нет спасибо, – демонстративно отказался я, вспоминая вкус божественного напитка.

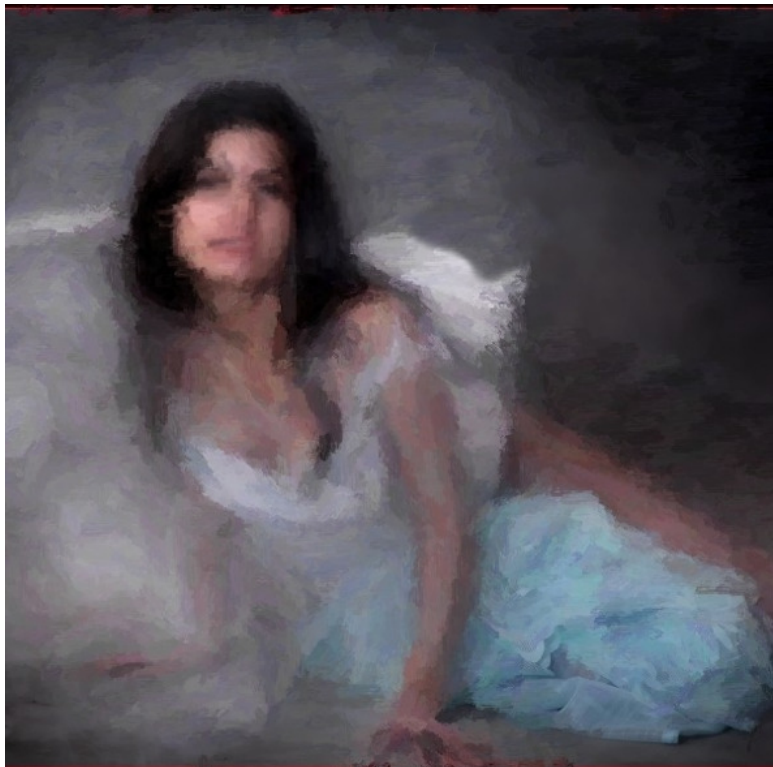
– Наливайте, наливайте как прошлый раз.

Я тяжело вздохнул:

– Что-то мы зачастили!?

– Отнюдь. Не мне же за вами ухаживать?

Мы выпили еще. Мир показался добрей. Женщина, которая сидела рядом – тоже уже не внушала таких опасений. «Хорошие отношения с хозяйкой это совсем не плохо, – пронеслось у меня в голове, – сейчас она уйдет и все наладится. Маша наверно уже заждалась. Как ей там под койкой? Неуютно. Теперь-то точно все получится как нельзя лучше. Хорошо бы коньячка ей на доньшке оставить попробовать?». ».

– Зовите меня по-простому Аида, – сказала хозяйка, прервав мои мысли. – Это немецкое имя. Раньше меня, как только не называли: и Аделаида, и Аделина, и Адель, и даже Адальберта. Я не такая старая – тридцать восемь, это поверьте не так много. Вот будет вам 38, поймете, что я была права. Просто если вам сейчас 25—27 – все мы вам кажемся

старухами. Я где-то конечно не слежу за собой. Вот лишний вес, уже разучилась хорошо одеваться, за модой не гонюсь и я уже совсем не та хохотушка, которая была прежде, хотя по большому счету это совсем не так. Я иногда ощущаю себя совсем молодой.

Мы неосторожно встретились глазами. В сумраке комнаты ее глаза блестели немного таинственно и вызывающе. Она еще более оживилась, видимо истолковав это по своему.

– Конечно, жизнь у меня разделилась на две половинки. Счастливая с мужем – и одиночество, бледная тень без него. Это страшно злит меня, и порой я бываю, несправедлива к окружающим, а потом казню себя. С другой стороны – за что мне такая участь? Я прежде не сделала ничего плохого. Это наказание без вины.

– Почему вам не выйти вновь замуж? – вяло поинтересовался я.

– Давайте еще немножко нальем, – предложила хозяйка, в очередной раз, поправляя волосы на голове и прихорашиваясь. – Я расскажу.

Мы выпили. Бутылка катастрофически пустела. Видимо фужеры были обманчивы. Она так хотела исповедаться, что, вяло, махнув рукой, не стала закусывать, и торопливо продолжила:

– Тут все дело в его маме. И эта дача, и дом в Петербурге, и акции паровой кампании «Лапшина и Сироткина», и еще много чего – все записано на ней. Мой муж, Афана-

сий, изначально был ей всем обязан и не придавал значения формальностям. Даже когда он работал на Сестрорецком заводе, что совсем в его положении было не обязательно, он докупал акции, и отдавал их матери. Я в эту бухгалтерию не лезла, а вот так случилось, что я осталось вдовой с двумя детьми, и реально у меня нет на руках – ничего. Отношения со свекровью натянутые. Ну, кто любит бесприданниц. Нет! Она, конечно, она не выставила меня за порог, все-таки ее родные внуки, кровинушка, но сказала мне, что такое положение будет продолжаться, только до того момента – пока я вновь не выйду замуж. Что будет после этого, она не уточняла, но, судя по всему, ничего хорошего меня не ждет.

– Да! Судьба, – искренне посочувствовал я. «Несчастливых женщин в России наверно больше чем женщин!» – пронеслось у меня в голове. Наверно коньяк давал о себе знать. Мне ее стало, по настоящему жаль.

Она придвинулась ко мне на близкое расстояние. Есть зона безопасности между мужчиной и женщиной. Если ваши лица оказываются слишком близко, тем более по инициативе слабого пола – это не спроста.

– А я же поверьте живая. Меня еще можно согреть. И этой дури, у меня ведь раньше не было, не было совсем. Мне порой так стыдно становится! Вы верите мне?

Она взяла мою руку в свои ладони, как бы доверяя сокровенное. Я чуть отодвинулся, но руку освобождать не стал.

– Верю. Да конечно. Отчего нет, – сказал я скороговоркой,

и все-таки освободив руку, встал, поправить фитиль в лампе. Она вспыхнула ярче. Когда я вернулся, она вновь подвинулась ко мне ближе.

– Давайте выпьем на брудершафт! – огорошила она вдруг меня, и я почувствовал, как язык у нее уже слегка заплетается.

– Это ни чему! – возмутился я.

– Один поцелуй для дамы это разве много? Наверно свою возлюбленную – так не обижаете?

Она разлила остатки коньяка.

– Вы лучше не пейте. Закусывайте Аида. Вам не много?

– Много? И что?

– Ничего.

– Я за все лето – не брала толики в рот! Я же тупая и глупая моралистка и трезвенница!!! Вы разве не заметили? Но не сегодня. Сегодня, все будет по-другому. Будет?

Она посмотрела на меня долгим вопрошающим взглядом.

– Не знаю, что вы имеете в виду? – отстраненно бросил я, украдкой посматривая на укрытие, где спряталась Маша.

– Да это я так. Ну, короче вы будете допивать коньяк или мне прикажете это делать самой.

– Вы сама себе хозяйка. А мне достаточно.

– Я, конечно, могу, но разве вы хотите видеть нетрезвую женщину? Нет? Тогда поддержите меня. – Аделаида встала и подошла к окну, поглядывая на двор. Луна мертвенно бледным светом озаряла ограду и постройки. Удостоверив-

шись, что все тихо и спокойно, она вернулась назад и продолжила:

– Я одна пить? Ни за что! Вот с вами Михаил, непременно! Какой вы сударь право – не решительный.

Я не уступал ее просьбам. Она подумала и тоже отставила бокал.

– Ладно. Подождем! А почему вы не купаетесь, – поинтересовалась она вдруг. – У нас тут все купаются. Пляж хороший. Жара. Или это из-за шрама? – вновь огорошила меня Аделаида, видимо потеряв контроль.

– Откуда вы про него знаете? – опешил я.

Она осеклась. Почувствовала, что проболталась и сказала лишнего.

– Нет. Мне все равно. Это я так предположила, – неуклюже попыталась оправдаться она.

– Подглядываете! – возмутился я, с легким презрением вглядываясь в лицо женщины.

– Это случайно получилось, – заверила хозяйка, слегка зарозовев. – Извините.

– Н-да... Нехорошо! – я помотал головой, отворачиваясь.

– Почему же? Нехорошо-с? Не совсем, – Аделаида помолчала. – Да. Понимаю. ... Ну не настолько. Вы прямо скажу – Аполлон! Красавец!

Она поднялась и, держа в руках бокал, совершенно неожиданно присела ко мне на колени. Я почувствовал запах ее французских духов. Волосы ее коснулись моего лица. Я

инстинктивно дернулся, но она ласково и настойчиво успокоила меня:

– Выпейте из моих рук.

– Зачем! Вы не слишком увлеклись Ада?

– Выпейте, – настаивала женщина.

– И что дальше будет?

– Я вас поцелую, – безапелляционно и решительно заявила хозяйка, хищно облизывая губы кончиком языка.

– Мне тяжело, – сухо сказал я.

– Вы упорный мальчишка! Я вам совсем не нравлюсь?

– У меня есть барышня.

– Вы не ответили на мой вопрос?

– Ну, если вы хотите, то да, – отмел я ее домогательства.

– Это горько слышать! Никогда не говорите даме такие слова, что вы сейчас произнесли. Слышите никогда! Это сильно обижает. – Она погладила мое ухо и, укусив за мочку, ласково прошептала. – Но я вас прощаю.

Она встала с моих колен и, подойдя к стене, примыкавшей к дому, постучала в нее. Скоро на пороге появилась светловолосая девочка, одетая в легкое льняное платье из дешевого муслина.

– Даша! Принесите граммофон и пластинки. Вы там еще не спите?

– Я нет. А Варя прилегла.

– Буди. Смотрите там у меня! Еще одну лампу захватите из гостиной, а то тут темно.

Когда девушка ушла, я поинтересовался, зачем все это.

– Обиженная женщина хочет послушать музыку! Я у себя дома. Что нельзя? – промолвила она жеманно, поглядывая на меня. Хмель все сильнее действовал на нее. – У меня есть записи, которые вы точно не слышали.

– Вроде как хозяйка сдала эту половину! – уточнил я, говоря о ней в третьем лице.

– Деньги меня не интересуют, – обрезала Аделаида, и с поволокой посмотрела на меня, – вы в этом убедитесь.

Через минуту появились две девушки. Одна несла аппарат, другая, что поменьше и которую очевидно звали Варя, рупор, пластинки и лампу. Я почему-то сразу обратил на нее внимание.

Варя была хороша, но не красавица. В таком возрасте девушка еще часто не зацветает, и как нераскрытый бутон: мила именно своей скрытой красотой, внутренним содержанием, не потраченной непосредственностью. Заостренный нос, голубые глаза, по-детски чуть припухшие губы с пенкой, и особенно маленькая самодельная диадема на голове – заставляли на нее смотреть с улыбкой. Каждой маленькой девушке, да и взрослой женщине хочется носить корону! Приковывать к себе восхищенные взгляды. Более утонченным вариантом такого украшения и была диадема: сделанная из бисера, стекляруса, плетеного конского волоса и бумажных цветов.

– Не ставьте, не ставьте. Заводите сразу, – распорядилась

Аида пьяным и командным тоном.

Я усмехнулся, покачал головой: «Что-то будет!»

– Сестры погодики Сухотины, – сказала Аделаида. – Живут у меня. Мать посадили за кражу, отец пьет горькую, скрывается. Воспитываю, как могу. ... Забочусь. – Добавила она после паузы.

Девушки быстро установили полированный ящик – больше похожий на небольшую тумбу-шкаф. Крышка и маленькие дверцы его, были расписаны цветочной композицией. На боковых стенках и небольших дверцах, был изображен дворцово-парковый пейзаж и дама, играющая на арфе. Место куда устанавливались пластинки, было оббито тонким металлическим листом и позолочено.

– Что ставить тетя Ада, польку или мазурку?

– Посмотрите еще чего-нибудь.

– Вот есть краковяк, ... так что тут лезгинка? Тарантелла? – бойко прочитала Даша.

– Дайте мне сюда пластинки, сама выберу. Еще одну лампу зажгите.

Принесенная лампа – была семилинейка. Она ярко залила зал желтым светом. Я испуганно оглянулся на кровать. Но убежище Маши мне показалось вполне надежным. «Бедная Маша! – подумал я. – Бедная и несчастная! Лежит на жестком полу, боится пошевелиться! Все бока отлежала!!».

– Вы любите, Михаил вальсы, – обратилась Аделаида ко

мне, – «Упрек любви», «Чертенюк», а есть «Розовые сны»
– Нет, – отрезал я сумрачно, хотя это было неправдой.
– Ладно. Есть отрывки из оперетт? – продолжила на распев хозяйка, лукаво поглядывая на меня и улыбаясь.
– Я уже ничего не желаю, – упорствовал я, с хмурым выражением лица.

– Однако, попробуем мы романсы «Если знал бы ты, друг», – она посмотрела на меня, выдержала паузу, – или «О Боже! Как хорош!» Это, по-моему, как раз то, что нужно и по названию и, по сути?

Варя, дергая плечиком, завела ручку и поставила пластинку. Поились тягучие душевные звуки. Далекий баритон Брагина вещал о неразделенной и несчастной любви.

– Так! Дождались. Отлично! Где наши бокалы Михаил? – торжественно промолвила хозяйка, приближаясь ко мне и соблазнительно покачивая бедрами.

– Стоят, как стояли, – с трудом выдавил я, не разделяя ее оптимизма.

– Девочки, мы сейчас под музыку будем пить на брудершафт.

Она поднесла мне бокал и вновь по свойски присела мне на колени.

– Михаил я здесь. Возьмите бокал. У меня уже рука устала.

– Не буду я с вами целоваться, – упорствовал я, закатывая глаза к потолку и тяжело вздыхая.

– Будете, будете, – не унималась она, склоняясь к моему уху, – а иначе все может быть и по-другому...

– Это как?

– Так девочки, зажмите на минутку уши. Вот так правильно. – Она обернулась ко мне. – Вы обидели меня.

– Чем!?

– Своим невниманием. Вы не оставили мне выбора. Вы все равно будете сегодня со мной, – язвительно изрекла она.

– Че-гоо? – изумился я.

– Того самого, а иначе, ... – она оглянулась на девочек и понизила голос, – я ведь про вашу красотку все узнала: Голубева Мария Александровна? Не так ли?

– И что? – растерянно пробормотал я.

– А то, – что проживает она на Спиридоновке, с мужем Валерием Аркадьевичем – и он совершенно не такой наружности, и возраста как вы.

– Это шантаж? – захлебнулся я от негодования.

– Понимайте, как хотите. Девочки, – крикнула она, громко обращаясь к ним, – можно размыкать ваши нежные ушки.

– Д-да! – озадаченно протянул я, совершенно сбитый с толку.

– Вы же любите ее, не так ли? Значит, и меня немножко полюбите, от нее не убудет, – философски заключила она и нетрезво засмеялась.

– Я думал о вас лучше! Вот вы недавно рассказывали о себе, я вас даже жалел. Вы тогда были настоящая или сейчас? –

промолвил я с негодованием.

– И тогда и сейчас. Это жизнь – мой господин. В ней нет только белого и черного. Все мы белые и пушистые – пока нас черный ворон не клюнет. Ну, я в третий раз предлагаю на брудершафт. У вас есть выбор. Вы можете отказаться. Я же не насильница какая-то. Просто все имеет цену – и мое молчание тоже.

Сестры сменили пластинку, поставили Вавича «Я ехала домой». Густой бас рванул душу.

Я взял бокал. Мы завели руки друг за друга. Поцелуй ее, мне, впрочем, не показался противным. При определенных обстоятельствах – все может быть. Впрочем, мне необходима была пауза, нужно было время собраться с мыслями.

«Если она сейчас уйдет, то неизвестно, чем это обернется! Как быть?! Что же делать?! – думал я, – Нужно найти выход. Выход должен быть. Рядом в трех шагах находилась девушка, молодая женщина, от которой я был без ума, а тут эта свалилась мне на голову. И как ловко все устроила, моралистка чертова. И не вывернешься. Ищи! Ищи выход! Выход должен быть!!!».

Последняя доза коньяка была особенно большой. Я почувствовал легкое головокружение. «Уселась. Даже закусить нельзя. А? Это брудершафт – его не закусывают, в смысле едой».

Я взглянул на убежище Маши. Видит ли она меня? Наша комната, совершенно неожиданно, среди ночи, превращает-

ся в разнузданный вертеп. «Бедная и несчастная! А что же делать мне!? Надеюсь, она слышит этот разговор и понимает, что мне не оставили выбора!»

Аида запустила мне руки за рубашку и стала гладить волосы на груди, потом принялась крутить в пальчиках мои соски. «Оказывается, мужская грудь тоже отзывчива на эти ласки! – подумал я. – Но да, это, же выход, – озарило меня. – Эврика! Надо ссылаться на мужскую природу! Точно. Так и буду упираться на это».

– Слушай Аида! – сказал я миролюбиво.

Она сразу, по голосу, почувствовала изменения в моем настроении и прислонилась своей щекой.

– Слушаю. Вся во внимании.

– Понимаешь, ты женщина опытная, а у мужчин сама знаешь, как устроено если не ЭТО... то и не ТО!

– Что так плохо? – усомнилась хозяйка, лукаво взглянув на меня.

– Не уверен, но вроде так.

Она встала, внимательно посмотрела на меня ниже пояса. Вроде все, что я говорил, соответствовало действительности. У меня затеплилась слабая надежда на благополучный исход. «Природу не обманешь!» – злорадно подумал я и оглянулся на кровать. Наверно Маша все слышала и оценит мою находчивость.

Девушки подкрутили ручку на граммофоне и поставили новую пластинку. Контральто знаменитой В. Плевицкой на-

полнило комнату. Сквозь легкий треск полились чарующие звуки романса «Золотым кольцом сковали».

Аида, соблазнительно качая бедрами, прошла к зеркалу. Я напрягся. В шаге от нее была Маша. Она расчесала челку. Похлопывая ладошкой, поправила прическу на голове. Переколола пару шпилек. Выпустила сильнее в районе ушей два волнистых локона, закручивая их на пальцы и видимо удовлетворенная результатом вернулась. У нее были богатые пышные волосы, и она это знала. Видимо, недавно над всем этим великолепием, поколдовал местный парикмахер.

– А мы это сейчас поправим, – заверила она, наклоняясь к моему уху.

– Как? – удивленно и недоверчиво бросил я.

– Увидишь, – многозначительно улыбнулась хозяйка.

Аделаида захлопала в ладоши.

– Девочки-сестрички – музыки конец! И идите ко мне. Так!! Вы у меня в спектаклях играете?

– Да!

– Да тетя Ада, – безропотно согласились девочки, поглядывая на нее с послушанием.

– Танцевать умеете? Песен без счета знаете? – воодушевилась хозяйка, с гордостью посматривая на своих воспитанниц.

– Да тетя Ада.

– Сегодня все будет по-другому. Вы будете так же петь танцевать, но только с одной, очень маленькой особенно-

стью – вы это будете делать без одежды.

– Ка-а-а-акк? Что? Нет!

– Разве такое можно?

Заверещали хором девушки, и лица их зарозовели. Изредка они бросали быстрые взгляды в мою сторону и тушевались еще больше.

– Я еще не все сказала. Не перебивайте. Все это, чтобы вам не бояться вы будете делать с завязанными глазами. Михаил смотреть на вас не будет. Ведь, правда, Михаил? Вы же его боитесь, я думаю, а не меня?

Девушки, потупившись, молчали. Плечики у них ушли в себя.

– Забыли, как я вас вырвала из рук кучера – Яшки Хромого, когда он вас в ямщицкую потащил? – напомнила она грозно и с вызовом. – Кто вас спас, взял к себе убогих. Кто мне ноги целовал. Кто одевает вас, обувает, премудростям великосветским учит, грамоте?

Девушки, не поднимая глаз, молчали, взявшись за руки и перебирая пальцы друг другу.

– Ну, выбирайте! Иначе вы сами знаете!!! Знаете? Не надо объяснять?

Девушки растерянно переглянулись. На лицах их было смятение.

– Не слышу?

– Знаем.

– Да, тетя Ада, – с трудом по очереди промямли девушки.

– Вот и хорошо. Значит договорились. Никто на вас не покушается. За погляд денег не берут, а я вам куплю обновки из джерси и каждой по шали с бахромой.

Аида нашла тряпку, разорвала с треском ее наполовину, и плотно подвернув в два раза, завязала девушкам глаза.

– Михаил! Отворачивайся! – сказала она картинно и громко и махнула мне рукой, что это меня не касается на самом деле.– Отвернулся? Давайте девочки никто на вас не смотрит. Не бойтесь.

Девушки еще помялись немного и, наконец, старшенькая Даша, неохотно повела плечом, потом сильнее. Легкий муслин сполз с узкого плечика. Тоже она сделала и с другой стороны. Материя повисла на локтях, оголив нежную белую грудь девушки. Она чуть отвисала вниз, но была упруга и полновесна. Большие пятна сосков смотрели чуть раскосо и в стороны. Сами сосочки выделялись как две виноградинки с зачатками канальцев по центру.

– А что Варвара у нас скромничает!? – обратилась она к другой девушке. Не отворачивайся – не нужно этого делать. Я же тебе говорю, что кроме меня – никто не подсматривает. Давай. Или вы мне не верите?

На Варе был надет белый халатик из хлопка, похожий на длинную ночную рубашку прямого кроя, подпоясанный на бедрах. Такие платья-рубашки с вышивкой, напоминающей узоры крестьянских полотенец, были тогда очень распространены в Малороссии. Варя теребила концы пояса,

не отваживаясь их развязать. Наконец она решилась. Развязала, и пояс, выпав у нее из рук, упал пол. Она попыталась на ощупь найти его на полу и когда нагибалась, полы халатика разошлись, обнажая худые ножки, и в легкой дымке обрыв в низу живота. Найдя его, она встала и сильнее запахнулась.

– Ну, ну давай Варя! – ласково подбодрила хозяйка свою юную воспитанницу.

– Я и Даша думаем, что в каждом человеке есть бес, который соблазняет на все дурное, – сказала Варя запальчиво и громко, – и вдруг одним махом, решившись, скинула халат, и чуть сгибаясь, прикрыла руками грудь и внизу начало ног.

– Что ты девочка в этом понимаешь?! Бес! Конечно бес. Вселится – куда бежать, потом не знаешь. Та-ак! Волосы, украшение на голове поправь.

Варе ничего не оставалось, как убрать последние преграды. Мой взгляд невольно упал на – узкую запятую – разделяющую низ живота девушки, едва-едва прикрытую легкой опушкой светло-русых волос. Мальчишески угловатое, не сформировавшееся тельце ее в страхе подрагивало. Острые коленки, узость в бедрах и слабо выраженные мышцы в области таза, тем не менее, прельщали именно своей незавершенностью форм. Грудь у нее была небольшая молочно-белая, когда еще нет той наполненности, что тянет ее вниз, а сосочки, круги вокруг, были розовато-пастельные, сморщенные и как бы вдавленные недоразвитые.

– Молодец. Умничка! – самодовольно бросила хозяйка,

стесняющейся девушке.

Аида скосила глаза на меня, потом опустила взгляд ниже и с удовлетворением улыбнулась, подняв руки к потолку.

«Да! Тут уж ничего не попишешь», – подумал смущенно я. Хмельное сознание, почему-то не противилось этому. «Зачем я так много выпил! Наверно на старое наложилось! Если не закушу совсем развезет», – подумал я, с легким головокружением.

– А чем порадует меня сестрица! – обернулась ко второй девушке хозяйка.

Даша, немножко помялась. Она выглядела более созревшей девушкой. У нее не было той подростковости и угловатости как у сестры – напротив все было полновесно с мягкими обводами и завершенностью форм.

– Ну, давай касаточка! – подбодрила ее Аида. – Варя то поменьше тебя – и то не испугалась.

Девушка по очереди вынула руки из платья и просто отпустила его. Оно под своим весом гармошкой сползло к ее ногам, обнажив плотно сжатые ножки девушки, округлости бедер, втянутый белый живот и густой с рыжиной пучок волос, прятавшийся между ног.

– Так бы и давно! Видишь ничего страшного! Теперь давайте спектакль. Слова, надеюсь, не забыли. Начинаем с паровозика, – скомандовала Аделаида.

Девушки встали друг за другом. Первая Даша согнула руки в локтях и сжала кулачки, Варя сзади, взяла ее за локти.

Они надули щеки, с шумом выдувая воздух.

– Фу-уф-ф-ф-ф-ф-ф!!! Щ-щ-щ-щы-шы. Цок-цок!

Защелкали вагоны. Они очень правдиво изображали отходящий от станции состав.

Они задвигали одновременно ногами и руками, в такт, изображая выдуманный веселый паровозик – и при этом, имитируя его звуки, вытягивали губы.

– У-ууух! У-ууух —ту-ух! Ух-тух-тух!. – добавили девочки темпа. -Ух тух тух! Ух тух тух!. Ух тух тух! Ух тух тух! Ту-уу ух ту-у! тух, – ускоряли, и ускоряли они движение состава.

О! Боже мой! Что за вечер был сегодня! Шустовский коньяк ли валил меня с ног – или что-то другое! Девушки так просто, естественно и одновременно возбуждающе, изображали паровозик, что у меня стали влажнеть ладошки. Грудь, особенно у Даши, в такт шагам подпрыгивала, металась из стороны в сторону. Когда они согласованно поднимали колени, нежная поросль у них между ног, предательски раскрывалась – и взгляд невольно заворожено фиксировался на этом.

Это было необыкновенное зрелище! Я бы так и смотрел и смотрел на этот паровозик бесконечно! Мне даже хотелось подпеть им: «Ух тух тух. Ух тух тух Ух тух тух! – но согласно отведенной мне роли, я как бы вообще не должен был всего этого видеть. – Милые девушки!!! Как они были естественны и прекрасны!!!!»

Аида, заметив, что мне это сильно нравится, и я умиленно улыбаюсь, прикрикнула на них:

– Паровозик с горки – скорость набирает!

Ручки коленки, у девушек прибавили скорости и стали подниматься выше, энергичней, губки вытянулись сильнее.

– Ух тух! Ух тух! Ух тух!.. Ух тух! Ух тух! Ух тух!

Наконец девушки стали, заметно, уставать. Аида принесла им стулья. Заботливо помогла сесть. Дальше пошли диалоги. В качестве обеденного стола служил бильярдный. Молодой человек, которого играла младшенькая Варя, встречал приехавшую с Петербурга невесту. Было забавно, как они с повязками целовали друг друга, обнимались и даже ссорились по ходу пьесы.

Аида, когда брала стулья, обнаружила на полу, за ножкой стола – мой херес. Прикрутив почти полностью одну лампу, она пришла с бутылкой и бокалами.

– Прячем!?

Я развел руками. Мы выпили стоя. Она, не спрашивая, вместо закуски, вновь поцеловала меня в губы. Сладкое вино смешалось с ее чувственными губами. Как бы случайно, ее рука коснулась моего пространства между ног. Там было все нормально. Она, не отрываясь губами, стала нервно и нетерпеливо расстегивать мою рубашку. Спустя минуту, я уже был по пояс голый. Она торопливо расстегнула, и полностью вытащив ремень из лямок, бросила его на кровать. Меня это отрезвило. Я представил – что она хочет заняться

этим на кровати. Этого нельзя было ни в коем случае допустить.

– Нет Аида. Я не люблю на кровати. Люблю жестко, – сказал, я еле оторвавшись от ее губ, – пойдем на пол.

– Ты мой господин! – безропотно промолвила она.

Я принес одеяло и подушки и положил у бильярдного стола. Девушки, играя сцены, стали наступать на наше ложе, но это было ерунда. С другой стороны видеть их на расстоянии вытянутой руки было даже волнительно и приятно.

Аида не заставила себя ждать. Расколола волосы, и спустя десять секунд, была уже, в чем мать родила. В принципе, она была совсем неплоха по фигуре. Платье скрывало длинные ноги, а они были, несмотря на полноту стройные и прямые. Все портил небольшой выпуклый животик, который часто бывает у рожавших женщин и почти никогда у девушек. Грудь, конечно, тоже была рожавшей женщины, но аккуратная полновесная. Все затмевала просто огромная черная щетка-торцовка, с немного вьющимися волосами начинавшаяся чуть ли не от пояса и сходявшая в спутанную косичку между ног. «В таких зарослях можно запросто заблудиться!» – с опаской подумал я.

Так как девушки постоянно наступали на нашу импровизированную постель, Аида приказала им сесть рядом и просто петь русские песни. Она рассадила их по бокам нашего ложа, и они оказались напротив друг друга. Им это не нравилось. Они хотели держаться за руки и петь песни. Я ска-

зал, что пусть поют, как им хочется, и она согласилась. Девочки так бросились на радостях друг к другу, что сшиблись лбами. Варя даже заплакала, а Даша перекрывая ее, тихонько запела, добавляя тональности и силы: «То не ветер ветку клонит»; потом они уже вместе пели: «Как за реченькой слободушка стоит», «Что с девицей случилось», «Я вечер в лужках гуляла».

Опытная женщина и хороша тем, что она опытная. Аида была из таких. Она казалось, знала все обо мне даже то – чего я сам не знал. Я был марионеткой в ее руках. Она не торопила события и чувствовала меня очень хорошо. В последние моменты она ласково и настойчиво успокаивала, охлаждала меня, и мы спустя секунды, возобновляли марафон.

Краем глаза я заметил, что старшенькая Даша, откидывая голову назад, подглядывала за нами и что-то иногда шептала сестре, но та только равнодушно отмахивалась.

Когда я не сдержался – отдых был недолгим. Я успел попить воды. Аида откинула простынь. Невольный взгляд меж ее ног смутил меня. Все это выглядело очень хищно. Чувствовалось, что меня так просто сегодня не отпустят. В эти секунды, я вспомнил про пауков – самки которых носят название «Черная вдова». После соития они съедают своих самцов на ужин. Мне стало немного не по себе, но впрочем, изрядная доза коньяка принятая накануне, позволила взглянуть на все в более светлых и радужных тонах.

– Вот теперь-то все и начинается! – многообещающе ска-

зала она.

– Неужели? – засомневался я.

Оказывается, начало действительно было обманчиво. Мало-помалу Аида распалялась все сильнее и стала терять контроль – и над собой, и надо мной. Вдова была ненасытной. Вся моя спина покрылась глубокими царапинами.

Что она вытворяла! Я думал, она меня просто проглотит. Такой страсти, я никогда не испытывал от партнерши – ни до, ни после этого. И сам на такое был не способен. Откуда что бралось. Тогда я понял – иногда женщине лучше уступить. Видать ее воздержание перешло границы терпения. Хотя как знать!? Может она и с молодости, была заводная и горячая. Ее длинные стройные ножки, полновесные бедра, округлости таза не оставляли шансов сдержаться. Она оказалась права.

У девушек уже кончался репертуар, они притомились и стали повторяться. Стало заметно сереть за окном, а Аида чуть не плача просила – хоть просто полежать с ней рядом. Она ждала, когда я отдохну. Под утро она все-таки обманула меня, когда я думал, что у меня нет никаких сил не то, что этим заниматься, а вообще двигаться, она все сделала сама. Это был третий раз. Я думал, что умру как герой. Девушки все безропотно терпели, понимая наверно как это важно, или они уже наполовину спали.

Аида с воспитанницами уходила, когда почти совсем рассвело. Керосиновые лампы потушили. Голубой утренний

свет — молоком, кисейным туманом лился в комнату из окон; но легкий сумрак все же сохранялся, а углы были темны. У девушек, от повязок, остались красные полосы на лицах. Одевались они, уже совершенно не стесняясь меня, а может, просто спали на ходу, а вероятнее всего, давно догадались обо всем и смирились. «Ах! Девчонки, девчонки!!! Милые девчонки! — с удивлением думал я. — Надо же было меня сегодня довести до такого состояния, что я совсем не реагирую на вас! Чисто евнухом стал. Смотреть на такие нежные юные создания и совсем, совсем равнодушно! Неужели это возможно!? Неужели это происходит со мной!?»

В окрестностях уже звонко пели птицы. Где-то на заливе тархтел рыбацкий катер. В третий или четвертый раз принимались кукарекать соседские петухи.

Слегка подволакивая ноги, я пошел, закрылся за моими непрошенными гостями. Аида с мятым лицом на прощание послала мне совершенно дурацкий в этом положении и пошлый воздушный поцелуй.

«Иди уж! Иди! Неужели эта ночь, наконец, кончилась! Не верится! Но что она сделала с моей спиной!?» Она неприятно саднила. И вообще я был похож на человека, по которому несколько раз переехала телега. «Но что не сделаешь ради спасения чести и репутации так горячо обожаемой тобой барышни!»

Я заглянул под кровать. Маша безмятежно спала, причмокивая губами.

«Долго, очень долго я не общался с тобой моя миленькая Маша! Сколько тебе пришлось пережить! Влипли мы с тобой. Когда уж наступит такое время, когда нам никто, и ни что, не будет мешать? Ну и какая ты светская дама? Какая сударыня? По французски говорим и всю ночь под койкой!? Моя ты милая девочка – наверно отлежала все бока!?».

Я не знал, поднимать ее или нет. Наконец, когда вернул на место простыни и одеяло, аккуратно, стараясь не разбудить положил ее на кровать. Она прижалась ко мне и, по моему, полностью не проснулась, а может, сделала вид. Меня это устраивало. Потому что в эти минуты я не знал, что сказать и стоит ли вообще говорить, если она сама все видела и слышала. «Интересно, на каком месте она уснула? – подумал я. – Что она видела?».

Глава 6

Маша проснулась около одиннадцати утра. Меня не будила, стала тихонько одеваться. Я открыл глаза и долго смотрел на нее. Она заметила, что я наблюдаю за ней, кисло улыбнулась и попросила ее проводить.

Мы даже не попили чай. Шли почти всю дорогу, молча. Мы вообще ничего не обсуждали и старательно делали вид, что ничего не произошло. Она молчала – я молчал. Я молчал – она молчала. Так мы и добрались до ограды курорта, но когда до главных ворот оставалось около сажени остановились. Пахло свежими булочками. Пансионат М. И. Пилыц дышал сонной полуденной дремой и казался очень родным и желанным.

– Дальше не ходи! – попросила она, с задумчивостью на лице и глядя на меня, рассеяно.

– Конечно, – безропотно согласился я и в который раз протер слезящиеся от кошмарной ночи глаза.

Она не уходила, и я стоял. Я не чувствовал своей вины и не хотел делать шаг навстречу – в чем-то извиняться. У нее на этот счет наверно были другие мысли. «Конечно, три раза это перебор, но что с того, один или три, а может, она уснула раньше и вообще дело не в этом, -думал я, – просто гадкий неприятный осадок остался и никуда от него не денешься».

Она взяла прутик и стала чертить что-то на земле. Это

были страшные рожицы. Она, нарисовав одну, тут же затаптывала, стирала ногами и рисовала следующую. Я смотрел на это чертово царство; а она, нарисовав особенно страшную рожицу, уже не стала стирать – а стала бить ее каблучками, остервенело топтать. Потом она заплакала. Я ее обнял, и мы постояли так немного времени.

– Ну, я пойду? – сказала она неуверенным голосом.

– Иди! – вздохнул я тяжело.

– И что я наверно ухожу?

– Да. Скоро наверно обед у вас?

– Что? Причем здесь обед? Какой обед? У тебя мысли о еде? – удивилась Маша, округлив глаза и пытаясь заглянуть мне в лицо.

– Извини, вырвалось, – стушевался я.

– Ладно! Пойду на обед, – сказала она громко и решительным шагом, раскачиваясь как на ходулях, пошла по направлению к корпусу.

«Учительница! Учительница французского? Почему она не учительница французского? Так наверно виляют бедрами учительницы французского, а не преподавательницы в церковно-приходских школах при Новодевичьих монастырях. Ей идет такая нервная раскачивающаяся походка. Что-то есть в этом возбуждающее и запретное. Как двигается платье, собирается волнами и округло обнимает чуть пониже спины. Хотя мне ли об этом говорить».

Она знала, что я смотрю, но не обернулась, пока не скры-

лась в полукруглой кирпичной арке ворот. Я постоял еще немного и понуро отправился обратно.

Солнце палило. Сильно болела спина, во рту пересохло, я с трудом добрался до флигеля. Попив кваса, я завалился спать и спал до четырех. Как мог, прибрался в комнате и сел, совершенно не зная чем заняться. «Вообще, зачем я здесь, к чему остаюсь? Нет, утром уеду, – решил я твердо и бесповоротно. – И правда, если даже бы удалось вернуть Машу, она бы наверно не согласилась – ни на что – в этом жилище, с которым было связано столько отрицательных впечатлений. Да и сам я настолько опустошен этой черной вдвой, что наверно еще как минимум неделю не буду смотреть на женщин с вождением.

Нет! Надо определенно уезжать!»

Когда солнце уже клонилось к закату, неожиданно послышался легкий стук в дверь больше похожий на царапанье. Обычного скрипа половиц перед этим не донеслось, и я подумал, что наверно балуется ветер. Спустя минуту снова раздался такой же робкий стук.

– Открыто! – сказал я, с недоумением поглядывая на дверь.

Дверь отворилась и в небольшую щелку осторожно просунулась голова Вари, а потом и она сама.

– Заходи Варя! Не бойся.

Мы с девушкой встретились глазами – и она сразу потупила их, и начала краснеть.

При виде девушки у меня поднялось настроение. Как-то совсем не ожидал ее увидеть.

– Ну что вы юная барышня! Проходите, раз пришли, – сказал я, улыбаясь и осматривая ее щупленькую фигурку с ног до головы.

Девушка покраснела еще сильнее.

– Я не барышня! – стеснительно промолвила она чуть слышно.

– Ну не барышня, так не барышня. В прошлый раз то у вас корона на голове красивая была, и я решил...

– Это я сама сделала... просто так, – не поднимая глаз, сказала моя гостья.

– Здорово у тебя получилось. Я вот не умею, так как ты, – похвалил я ее.

– Я, от тети Ады, конверт вам принесла.

– А что в нем?

– Будто вы не догадываетесь!

– Даже представить не могу.

– Деньги, – вздохнула девушка, удивляясь моей неосведомленности.

– За что?

– Тетя Ада сказала вернуть вам деньги за жилье, а жить вам можно, – протараторила девушка быстро одной фразой.

– А что она такая добрая стала?

– Вы сами знаете, – сказала девушка, еще ниже опуская голову.

– Это она это зря. Я денег назад не возьму. Так ей и передай, – решительно проговорил я, догадываясь, о причине ее щедрости.

– А она сказала – все равно вам отдать, даже если вы не захотите, – настойчиво пролепетала моя гостья, с жалобными нотками.

– Даже так?!

– Ну, пожалуйста. Она будет меня ругать иначе, – чуть не плача сказала девушка.

– Не повезло нам с вашей хозяйкой, – с вздохом заключил я, поглядывая на протянутую ко мне худую ручку с конвертом.

«Деньги! Деньги! Деньги! ... как часто они вторгаются в нашу жизнь – по поводу и без повода! И без них ни куда – но порой они такие грязные, что брать их рука не поднимается. Так бы и швырнул назад! Я же не уличная девка зарабатывающая себе, таким образом, на все необходимое. Тем не менее, надо будет согласиться. Который уже раз – Аида ломает меня через колено. И жалко эту несчастную сиротку!»

Я боялся, что Варя убежит, выполнив поручение хозяйки – а мне хотелось сказать ей еще несколько слов и попытаться что-то сделать для девушки; поэтому я не спешил брать протянутый конверт.

– Ну, хорошо, я возьму, тебя не будут ругать, но у меня к тебе маленькая просьба. Посиди буквально минутку, вы-

слушай меня и пойдешь? Договорились?

– Я послушаю, – сказала моя гостья недоверчиво и села на краешек стула.

– Видишь ли, Варя, – я помолчал, подыскивая слова, – как ты сказала вчера, что в нас вселился бес? Ты права – то, что было ночью, никого из нас не красит. Верно это, все правильно, но ты должна понять, что все здесь немного сложнее, чем ты думаешь. У меня есть молодая женщина, которой немногим только больше лет, чем тебе, но ее отдали замуж против воли за нелюбимого человека который еще к тому же намного старше ее. Так случилось! Были причины. Она скорей всего не сможет его бросить и жить без любви ей тоже тошно. Вот поэтому мы оказались здесь.

Твоя хозяйка использовала это обстоятельство и грозилась раскрыть тайну. Мне пришлось согласиться, чтобы спасти ее репутацию. И твою хозяйку я не берусь осуждать. Понимаешь, когда у женщины очень долго нет любимого человека – мужчины – они бывают, вот так, слетают с катушек. Ты уж сильно не гневись на нее. Кто виноват, что у нее погиб муж, и она стала вдовой? И выйти вторично ей замуж затруднительно – она по воли свекрови может остаться без средств. А ведь на эти деньги в частности тетя Ада вас обувает, и одевает, и учит грамоте и другим наукам. Ведь так?

– Так, – совсем тихо промолвила Варя, и в первый раз подняла на меня глаза. Они смотрели внимательно, изучающе и открыто; и лучились каким то странным светом.

– Понимаешь! Этот мир так устроен, что все и везде завязано на деньги. Деньги держат женщину, с которой я встречаюсь, они же держат тетю Аду, и держат даже вас с Дашей у нее – а как без них? Пропадете! Один поступок – рождает другой. Редко так бывает, что есть все: и деньги, и любовь, и отношения хорошие. Чаще вот так – деньги, или поступки других людей, рожают зло.

– Все равно так нельзя!

– А? Ты это имеешь в виду? Даша то подсматривала – я видел. А ты?

– Что я дура что ли! – возмутилась Варя.

– А Даша выходит дура!?

– Это ее дело, – уклончиво промолвила девушка.

– А что она тебе шептала? – с улыбкой спросил я.

– Не скажу, – надула губы моя юная гостья.

– Ну ладно – не сердись. Давай конверт.

Я открыл его. Да, это была та сумма которую я вручил Маше накануне компенсируя затраты на проживание.

– Послушай. Давай сделаем так. Конверт мне – а деньги тебе? То есть вам с Дашей?

– Придумали тоже! – искренне возмутилась девушка. – Зачем это!?

– Пригодятся. Вы их спрячьте – и никому про них не говорите. Мало ли для чего понадобятся. Есть у вас такое тайное место, про которое никто кроме вас не знает?

– Есть! Да есть, конечно, ... – оживилась девушка и тут же

сникла. – Но я все рано не возьму, – заявила она решительно и бесповоротно.

– Глупышка! Тут не так много. На поездку в Петербург хватит туда и обратно вам, или еще, какая надобность? Одежду? Учебники? ... Я тебе обещаю, что про наш секрет я никому не скажу.

– Все равно нет. Если деньги не заработаны, они счастья не принесут, – отчеканила она строго.

– Уж не думал от тебя это услышать! Аргумент серьезный! Ну, давай тогда поступим так, ... как же мы поступим? – Я задумался. Перебрал в голове варианты. – А вот придумал! Видишь, я хочу стать писателем и вся эта история: ваша тетя Ада, ее свекровка, профессор Кайгородов -знаешь его?

– Конечно.

– Его сын Костя, вы сами с Дашей, мне интересны – как герои, персонажи. Интересно как сложится ваша судьба. Так вот: я тебе оставляю свой адрес в Ораниенбауме, а ты два-три раза в год будешь мне писать – что с ними всеми стало? А деньги – это будет плата за работу!

– Письма писать!? Какая же это работа? Вы просто мне хотите их дать – и придумываете!?

– Э! Нет! А как же все писатели получают гонорары. Они же больше ничем не занимаются – и живут хорошо?

– Ну, то писатели!

– Так и ты помощница моя будешь. Представляешь, сколько мне нужно будет опять потратить денег, что бы сюда вер-

нуться, все узнать: поезд, извозчик, плата за жилье, покушать купить и обратно не меньше. Я еще тебе и должен останусь, если ты большие письма мне писать будешь. Будешь?

– Буду. Конечно, буду. А вы в Ораниенбауме живете?

– Там офицерская школа. Я там работаю. Комнату снимаю. Иногда у матери живу в Петербурге. У нее квартира на Поварской.

– А жена то ваша не будет ругаться?

– Пока я не женат, а там посмотрим, объясню, что у меня есть очень хорошая девочка, девушка, – я посмотрел на нее, она на меня, – помощница в писательских делах. Думаю, поймет.

Варя смущенно заулыбалась, слезла со стула, переложила в несколько раз ассигнации и крепко сжала их в кулачке.

– Ну, я пойду? Ой! Адрес ваш совсем забыла?

– Конечно. Сейчас напишу.

Я написал ей координаты своего местожительства на открытке, что хранилась у меня в саквояже. На ней была изображена маленькая девочка, которая сидит, пишет письмо, а голубь ждет, что бы его отнести.

– Михаил Алекс-а-андрович Громадин!!! – прочитала она громко, но неуверенно и взглянула на меня.

– К вашим услугам, – слегка поклонился я и улыбнулся ее серьезности.

– Михаил ...Михаил Александрович, – повторила она, как бы прислушиваясь к своему голосу, как это звучит, –

Дашка от зависти лопнет!

– Не понял? – недоумевая, промолвил я.

– Да это так, ... ну я пойду? – промолвила девушка, не видя причин больше задерживаться.

– Конечно. Хорошее у тебя имя Варвара!

Она посмотрела еще раз на меня. Облизнула сухие губы. Вздохнула, как бы не желая расставаться:

– Ну, я пошла! ... Не сомневайтесь, я вам обязательно буду писать! – клятвенно пообещала Варя, испепеляя меня взглядом из-под длинных ресниц.

Глава 7

Ночь прошла тревожно. Я постоянно просыпался. Видать выспался днем. Лежал подолгу с открытыми глазами. Размышлял. О чем не помню. Думал и тут же забывал. Под утро забылся таким крепким сном, что проснулся в итоге, к одиннадцати часам.

«Что же тут делать! – завертелись мысли в голове. – Если Машей не наладится – труба. Ладно, побуду еще денек. Продукты есть. Хозяйка не гонит. Комната в Ораниенбауме – или здесь на свежем воздухе? Какая разница»

Я заваривал чай, изощрялся, крутил пластинки оставленного с прошлой ночи граммофона и скучал неимоверно. «Надо идти на берег!» – пришла мысль, когда вновь услышал легкий стук в дверь.

– Открыто!

Это была опять Варя. Она улыбалась, тихой светлой улыбкой девочки.

– Почему вы не идете на море?

– Да вот только собирался Варя.

– То есть я не затем пришла. Спросить хочу. Мне писать если только что-то случится – или просто?

– А ты как хочешь?

– Так деньги же? – промолвила она жутко серьезно и даже помрачнела.

– Ты только ради денег будешь мне писать? – провокационно поинтересовался я, пряча улыбку.

Девушка засмушалась, опустила глаза в пол.

– Не знаю, я и так могла, ... мне не трудно, я много пишу, – сказала моя гостья, слегка пожав плечами.

– А что ты пишешь? – удивился я, не понимая о чем речь.

– Ну, так пишу и все, – не отвечая на вопрос, ответила девушка.

– И все же? – заинтригованный настаивал я.

– Когда мне хочется, сажусь и пишу, особенно если кто меня обидит.

– Это у тебя дневник?

– Дневник – от слова дневник, там каждый день надо, а у меня так не получается, – взвешенно предположила она.

– Интересно, – оживился я, подвигаясь к ней ближе, – а как давно ты начала?

– Мне тогда было 12 лет.

– А сейчас тебе сколько?

– Шестнадцать недавно исполнилось, – заключила моя юная гостья.

– Совершеннолетняя уже! И замуж можно! (*Свод законов Российской Империи. Том десятый.*)

3. Запрещается вступать в брак лицам мужского пола ранее восемнадцати, а женского шестнадцати лет от рождения. В Закавказье природным жителям дозволяется вступать в брак по достижении женихом пятнадца-

ти, а невестой тринадцати лет.

Епархиальным архиереям предоставляется разрешать браки, по личному усмотрению, когда жениху или невесте недостаёт не более полугода до узаконенного совершеннолетия)

Варя пожала плечами и хмыкнула, со смущенной улыбкой отворачиваясь к окну.

– Дашь почитать дневник? – спросил я

Девушка задумалась, окинув меня оценивающим взглядом, как будто что-то взвешивая, но ничего не ответила.

– Ну, так как? – не выдержал я.

– Там про Дашку, маму, про меня, про тетю Аду, – неуверенно проговорила моя гостья.

– То, что нужно.

– Чужие дневники нельзя читать посторонним, – замялась она, обдумывая мое предложение, которое, наверное, тем не менее, льстило ей.

– Я посторонний? – деланно удивился я, хмурия брови.

Этот вопрос окончательно поставил девушку в тупик.

– Лучше я вам деньги отдам, – сказала она, вдруг зажав голову руками.

– Ну, вот придумала, как меня на лопатки положить. Хорошо. Это я так просто спросил. А про меня там есть?

Варя покраснела:

– Да ну вас, ... я пойду.

– Все! Все Варя. Твои секреты пусть останутся с тобой.

Мне же они не нужны. Поверь! Это я чисто как писатель интересуюсь, изучаю твой внутренний мир – моих героев.

– Для книги?

– Конечно. А для чего еще. Мне же интересно, что пишет девочка в этом возрасте. Я же сам не был девочкой и уже вообще забыл те годы, а у тебя все записано, – говорил я ласковым голосом.

– Да там глупости одни! Я же совсем наивная была, – отмежевдалась она от написанного.

– А сейчас?

– Теперь другое дело, – с напускной важностью заключила Варя.

– А если закрыть бумажками секреты... остальное то можно? – предложил я выход из ситуации.

– Ну, наверно, – неуверенно предположила она, видимо припоминая и восстанавливая в памяти написанное ранее.

– Тогда договорились. Как надумаешь, приходи. Буду ждать тебя. На этот случай у меня есть пастила, – улыбнулся я.

– А что это такое? – в недоумении спросила моя гостья.

– Попробуешь. Узнаешь, думаю, тебе понравится, Дашу угостишь.

– Так я завтра и приду, – обрадовалась Варя, и глаза у нее заблестели.

Я стал собираться на берег. Засунул подальше, за шкаф, сверток с документами и наган. Придвинул его плотней, на-

валившись всем телом. И вдруг почувствовал, что кто-то за мной наблюдает. Я обернулся. В проеме двери стояла Маша!

– Маша! – невольно воскликнул я, обрадованный ее неожиданным появлением.

Выглядела она эффектно. На ней был приталенный пиджак из пан-бархата серого цвета, с подкладкой из шелка и рукавами кимоно. Он дополнялся многоуровневой, широкой юбкой из креп-сатина: украшенной бисером, бахромой и кружевами. Она похлопывала сложенным зонтиком по руке и подбоченясь смотрела на меня с вызовом.

– И долго вы будете отсиживаться в вашей конуре? – промолвила она после паузы, с деланно равнодушным видом.

– Вы меня напугали, прячу свою секретную канцелярию, вижу, кто-то вошел.

– Сидите, как паук тарантул – девушек заманиваете в свои сети.

– Я уж и сам этому не рад. Даже были мысли утром уехать, – развел я руками.

– Герой-любовник!!! – сказала она язвительно.

– Спаситель нации и замужних женщин – полагается памятник при жизни, – нашелся, чем парировать я.

– Да-да! И что даже пройти не предложите... спаситель?

– Проходите – я за вами поухаживаю. Куда вы изволите присесть: на стул, на кровать, под кровать? – с ехидными нотками предложил я.

– Ах! Так! Еще издеваетесь, – она замахнулась на меня зонтиком, стараясь попасть по голове. Я прикрылся руками.

– Только не по спине!

– Ага! Я совсем забыла. Теперь-то я знаю куда бить!

Я поймал ее за руки, завел их за спину и приник к ее губам. Она запрокинула голову, шляпка ее упала на пол. Это было долго. Когда я ее отпустил, глаза ее – еще долго были как пьяные.

– Это я удачно зашла! – сказала она, наконец, окончательно приходя в себя.

– Долго! Очень долго вы не посещали меня барышня.

– Хаха..ха..ха! Как вы заговорили. А сами чуть не уехали – ждали, когда я приду и упаду к вашим ногам.

– Женские души неисповедимы. Я давно у ваших ног, – заверил я ее.

– Ну, хватит. Собирайтесь. Я вас не простила, конечно, но это не исключено. Может быть... когда-нибудь!

– Куда мы идем.

– Прямо, прямо и прямо пока не упрусь в воду, – сделав губы трубочкой, сказала Маша.

– А обыватели? – усомнился я.

– Близко подходить не будем, посидим на бережку – вы не против?

– О чем разговор! А что взять? Вот есть галеты, лимонад, пара плиток шоколада, шампанское?

– А все и берите, кроме шоколада.

Глава 8

Берег нас встретил ласково. Вдали виднелось деревянное казино, а чуть ближе «раковины Афродит» – плетеные кабинки, защищавшие отдыхающих от ветра и песка. Мы шли по небольшим горячим дюнам. Нас окружила веселая публика, степенно гуляющая и постоянно жующая, местные модницы и галантные франты. Лицо Маши защищала плотная вуаль.

Мы хотели пройти в легкую беседку. Но туда иногда заглядывали гуляющие пары.

Подумав, мы уселись на крошечной полянке среди кри-вых сосен. Ольховый подлесок и редкие осины защищали нас от посторонних взглядов, хотя мы сами могли видеть все, что творилось на берегу. Небольшое покрывало служило нам столом. Я сходил к дымному строению больше похожему на сарай. Подождав в очереди, купил четыре палочки шашлыков. Пока стоял, смотрел на гуляющих вокруг девушек в купальных костюмах. Костюмы представляли собой, легкий комбинезон без рукавов из тонкого трикотажа, на головах у них были резиновые шапочки. Были и плащи для купания, как правило, более богато отделанные и украшенные контрастными вставками и даже позолотой. Изредка барышни проходя, бросали томные взгляды в мою сторону. Были и хорошенькие.

Маша лежала в неге, поджидая меня и постоянно поправляла вырез, на сорочке, предоставляя солнцу ласкать ее грудь.

Я открыл шампанское. Она вздрогнула от хлопка и посмотрела на меня укоризненно. Я, отставив бутылку, отогнул край вуали и поцеловал ее, полулежа в губы потом в начало груди. Она испуганно вскрикнула и начала испуганно оглядываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.